

ВЛАДИМИР ЗЕНЗИН

Светлой памяти моего отца Зензина Василия Павловича, погибшего в 1944 году, и 75-ой годовщине Победы в Великой Отечественной войне

посвящается

Я ЗНАЮ ПРАВДУ О ВОЙНЕ

(Издание второе, дополненное и доработанное)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Всё меньше остается ветеранов Отечественной войны, которым сегодня за 90 лет. Всё слышнее голоса сирот войны (детей, погибших солдат на полях войны). Но и им нынче уже за 75-80 лет. Тем более всё дороже воспоминания непосредственных участников военных лет, которые своими глазами видели события тех дней. Мне 84 года, я видел многое. Я состою членом Областной организации «Сироты войны», и можно сказать, что эта книга написана от их лиц. В ней говорится о тяжелейших испытаниях, выпавших на долю советских людей, особенно беспризорников, -« сирот войны», которые наравне со взрослыми стояли у заводских станков, трудились на колхозных полях и как в стихах- **«...нам пацанам вошло в привычку быть всюду возле**

матерей...» Книга написана по моему принципу: «писать Правду и только Правду!», а потому в ней много «грустных и не совсем грустных» стихов, навеянных трагическими событиями того времени, в котором много противоречивых событий, почти необъяснимых фактов. Так на стороне фашистов сражалась русская армия под командованием

генерала Власова. Как «свои» против своих? Да, помимо русской армии в составе германских войск сражались румынские, австрийские, итальянские и другие дивизии европейских стран. А из чисто немецких солдат были дивизии СС и ещё несколько соединений. И ничего удивительного. Так было во все времена. Так, скажем, было и в армии Наполеона (в ней чисто французскими были полки «Старой гвардии» и еще несколько других полков), а остальное войско-солдаты других стран... Такое наблюдалось в войсках даже еще при татарском нашествии на Русь. В тоже время множество одиночных предателей служило у немцев полицаями и в карательных отрядах... В моей книге мало описано таких негативных фактов, но есть отдельные примеры, как в стихе: «Без вести пропавшие» о дезертире и узнике концлагерей, есть примеры неоправданной ничем жестокости и двуличия. О Победе в Отечественной войне написаны тысячи книг, о бесстрашии и подвигах советских солдат, которые с криком: «За Родину! За Сталина!» шли в бой. Но в них нет информации, что по распоряжению командования на фронтах были созданы спецотряды, бойцы которых расстреливали своих трусливых, покидающих позицию солдат, убегающих в тыл, особенно когда на окопы шли немецкие танки. Да, война для меня- прежде всего величайшая трагедия, а не «... гром Победы раздавайся!?!». Около 28 миллионов погибших - такая плата за Победу...

И разве мог воспринимать по-другому тот сложный мир мальчуган «в детстве потерявшим весну», который пошёл голодный и раздетый в школу в первый класс в 1941 году, но из-за холодов в ноябре бросил школу. Было не во что одеться. Полуголодный, полураздетый я закончил школу, поступил в институт. Но и в институте мне нечего было есть, я не имел костюма, ходил везде в спортивной куртке. Благо спортивную одежду в институте выдавали бесплатно. Пальто я купил впервые после

окончания вуза, а о детстве я писал: ...« В войну я жил одной надеждой- вот подростку и буду сам работать, покупать одежду и – «мёд польётся по усам». Теперь, оглядываясь назад, я так и не могу понять, почему Госдума не приняла закон о «Сиротах войны», не приравняв их по некоторым льготам к участникам войны. Они этого заслуживали. И всё же для меня главное тех лет- мы, трое детей в нищей семье, в деревне, после школы поступили в институты. Это в первую очередь заслуга матери, работающей в школе техничкой (... и поочерёдно отправляла в институты, всех троих, ОДНА!!!)

Можно теперь в Интернете, да и просто открыто в печати прочесть о разных событиях в прошлом. Вот в конце октября читаю «Аргументы и факты», где приводятся данные, как в начале августа 1939 года фашистские войска оккупировали большую часть Польши, а через две недели Советские войска также вошли на территорию Польши без объявления войны, тем самым отодвигая свою границу на случай войны с Германией. Сегодня Польши проводит праздничные мероприятия по освобождению Польши Советскими войсками от фашистской армии, но общественные организации открыто отказалась принять российскую делегацию для участия в торжествах. Что это? То, давнее? А может катастрофа самолёта с командованием и президентом под Смоленском? Сложно сразу ответить. Перед войной Советские войска подобным образом вошли в прибалтийские страны (Литву, Латвию, Эстонию), а также в Финляндию. А как понять позднее появление колонны советских танков на улицах бастующей Праги!? Или ещё- как объяснил мне друг- журналист, что военные события в Чечне, Афганистане и в Сирии- это есть не что иное, как полигон для испытание новых вооружений, проверка боевой готовности сил страны. Может всё так и есть. История России во многом многострадальна, запутана и трудно объяснимая: **то революции, то войны, то перестройки. Потому людские судьбы россиян также непредсказуемы.**

Вот и я проработал в техникуме- колледже 54года. Постоянство! А что ещё сказать? Заплата всегда была небольшой у учителей и врачей, людей самых благородных и нужных профессий. Но ведь и во всей стране тоже, половина людей живут у черты бедности. Какое здесь может быть качество жизни? Но удивительно: проявляя волю, характер, большие силы и мужество - все россияне стараются жить достойно, много работать, укрепляя могущество и сплочённость страны. Как итог- Россия в экономике, науке и культуре, в спорте и других направлениях часто занимает высокие, передовые позиции среди всех стран мира.

Первая часть. СУРОВАЯ ПРАВДА ВОЙНЫ (1941-45 гг.)

Без объявления войны, на рассвете 22 июня 1941 г., вероломно нарушив договор о ненападении, немецкая армия вторглась на советскую землю. Война с фашистской Германией 1941-1945гг.

перечеркнула многие надежды советских людей. Сразу же, 22-23 июня, везде и всюду на территории СССР прошли митинги, началось формирование воинских частей.

В Омске на фабриках и заводах, в колхозах и совхозах, в учебных заведениях и учреждениях состоялись митинги, на которых омичи единодушно заявили о своей готовности отдать все

силы для борьбы с врагом. В военкоматы города только за первые три дня войны поступило 2254 заявления от добровольцев. Вся Омская область, труженики села и города трудились днём и ночью, отправляя на фронт хлеб, масло, валенки, полушубки, винтовки, снаряды. Промышленность Омска срочно переводилась на выполнение оборонных заказов. В Омскую область прибыло свыше сотни фабрик и предприятий оборонного значения, среди них заводы имени Баранова из Запорожья, имени Козицкого, «Прогресс», «Электроточприбор» и др. Победа ковалась на фронте и в тылу. В Омске формировалось 17 дивизий и бригад. Так, осенью 1941 г. на базе Омского пехотного училища формируется 362-я стрелковая дивизия, принявшая участие в битве под Москвой. Одновременно сформирован 712 –й отдельный батальон связи. На Северо- западный фронт с берегов Иртыша отправляется 364 –я стрелковая дивизия, в дальнейшем переименованная в «Тосненскую», которая закончила войну на Эльбе. Бессмертны подвиги воинов 308 –й стрелковой дивизии, сформированной осенью 1942 года в городе Омске. Дивизия под командованием полковника Л.Н.Гуртьева, защищая в Сталинграде завод «Баррикады», в течение месяца отбила 117 атак противника и была награждена орденом Красного Знамени. Она закончила боевой путь в центре Германии.

В ноябре 1942 г. сформированная в Омске 75 –я добровольческая бригада начала бои под городом Белым, затем воевала на Северо- Западном фронте.

За героическую доблесть на фронтах сражений более 250 омичей получили звание Героя Советского Союза, 35 человек награждены орденами Славы всех трех степеней, многие тысячи – орденами и медалями.

Навсегда останутся в памяти подвиги омичей: генерал- лейтенанта Л.Н. Гуртьева, подполковника Николая Бударина, летчика Николая Кузнецова, артиллериста Петра Осьминкина, пехотинца Федора Крылова, моряка Петра Ильичева и многих других героев войны.

Воспитанник Сибирского кадетского корпуса, Дмитрий Михайлович Карбышев проявил исключительную стойкость, находясь во вражеском плену. Более трёх лет провёл генерал в лагерях «смерти», стойко перенося все пытки. А 18 февраля 1945 г. озверевшие фашисты вывели старого генерала во двор лагеря Маутхаузена и при 12- градусном морозе поливали водой, пока он не превратился в ледяную глыбу.

ПОДВИГ (Памяти генерала Карбышева)

<i>Февральские морозы жгучи.</i>	<i>и в каждой капельке- ЗВЕЗДА !!</i>
<i>Раздетый, по снегу босой</i>	<i>... Идут года, над человечеством</i>
<i>идёшь вперёд.</i>	<i>стихают войны и грома,</i>
<i>Святая участь</i>	<i>но предо мною неизменно</i>
<i>принять последний бой!</i>	<i>встаёт та, давняя зима.</i>
<i>Из шланга льётся ледяная</i>	<i>Опять февраль, и в злобе дикой</i>
<i>вода на спину, на лицо.</i>	<i>пурга гудит над Иртышом,</i>
<i>Лёд на плечах -</i>	<i>о подвиге твоём - великом</i>
<i>душа живая</i>	<i>поют ветра тоскливым днём!</i>
<i>собрала мужество в кольцо.</i>	<i>Опять завьюженной тайгою</i>
<i>Как айсберг, предстаёшь громадой.</i>	<i>брожу меж сосен до зари,</i>
<i>Враги в смятенье: глыба льда-</i>	<i>под каждой глыбой снеговую</i>
<i>жива!</i>	<i>мне чудятся - богатыри!</i>
<i>Пар белый, брызги градом-</i>	

ПАМЯТНЫЕ ГОДЫ (1941- 45 гг.)

Я родился в Тюкалинском районе Омской области. Северная часть его, граничащая с Большеуковским и Колосовским районами, отходит в 1940 году к вновь созданному Солдатскому району. Так, за год до начала военного лихолетья, село Старосолдатское, не имевшее ни МТС, ни маслозавода, ни тем более средней школы, становится районным центром. Просуществовал район недолго- всего 13 лет.

Крупнейшие здешние сёла- Кабырдак и Кутырлы оказались на окраинах нового территориального образования. С севера в Солдатский район входили деревни Шатайлы и Буслы, впоследствии исчезнувшие с лица земли бесследно. С южной- Приозёрка и Белоглазово. Всего- десяток деревень. По размерам территория района была сравнительно небольшой.

Село Старосолдатское, став райцентром, сразу пошло в рост, - как по числу жителей, так и по количеству учреждений и предприятий. Ведь число только одних чиновников, работников разных районных служб, увеличилось более чем на двести человек.

Мне в то время было пять лет (я - с 1935 года) и первое отчётливое воспоминание из детства- это июль 1941 года. Сельская площадь в центре, на столбе- громкоговоритель, из репродуктора несутся военные марши, хриплые призывы на священную войну. Улицы деревни (помню и вижу- как сейчас) заполнены толпами людей. Стар и млад, плачущие навзрыд женщины, суровые взгляды мужчин. Запряженные в телеги потные лошади, а на телегах - парни и молодые мужчины, и среди них- мой отец. Колонна медленно движется через деревню и выезжает на тракт- в сторону Тюкалинска, где сформирован призывной пункт.

«...Я помню третий день войны:
шли вереницею подводы.
Средь деревенской тишины
повсюду женский плач надгробный.
А на подводах мужики,
ещё пока не в гимнастёрках,
крестясь, сжимая кулаки,
дымили крепкою махоркой.

Мне пацану всего лишь пять...
Шла за подводой долго мать
(она позднее лишь узнает,
что «похоронный лист» бывает).
Всё это трудно вспоминать...
Я знаю правду о войне-
мне от того больней вдвойне!»

Обоз исчезает из виду, и провожающие медленно расходятся по домам. Мы, пятилетние пацаны, остались на улице, возле свежих, выкопанных под телеграфные столбы, ям. Глина в кучах- мягкая, липкая, и мы охотно лепим из неё фигурки зверят и птиц. Нам, малолеткам- несмышлёнышам, ещё невдомёк была вся горечь и тяжесть событий. И снова встаёт и встаёт пред глазами длинный, печальный обоз.

Все годы войны труженики сел и городов области трудились денно и ночью, отправляя на фронт хлеб, масло, валенки, полушубки, винтовки, снаряды. Вся

промышленность Омска и области срочно переводилась на выполнение оборонных заказов.

Воины из города Тюкалинска сражались под Москвой, Сталинградом и на других фронтах. Это- Михайлов, Наймушкин, Лебедев, Константинов, Желудев и многие другие.

Выпускница Тюкалинской средней школы Ольга Голубева стала штурманом ночного бомбардировщика, а уроженец деревни Ивано-Сергиевка, командир противотанковой пушки Василий Болтенко одним из первых удостоился ордена Отечественной войны 1-ой степени.

Шофер А.Г.Лунин из села Старосолдатки спас полковое знамя и за это награждён орденом Красной Звезды. Георгий Иосифович Седов, уроженец деревни Федосеевки, является полным кавалером орденов Славы.

Тюкалинская земля стала родиной четырёх Героев Советского Союза. Этого звания был удостоен Филипп Андреевич Лекарев, призванный из деревни Николаевка. Наводчик орудия, он при форсировании реки Десны подбил три танка и уничтожил огнём десятки гитлеровцев.

Второй герой, Иван Константинович Захаров из села Сажино, начал войну командиром танка, а закончил её в Берлине заместителем командира танкового полка.

Герою Советского Союза Алексею Сафроновичу Петухову из деревни Ивановка военное лихо выпало с первого дня войны. Сражаясь бронейщиком, он подбил несколько самоходок и «тигров»... Особенно он отличился на Курской дуге.

Василий Иванович Сигов, уроженец деревни Белоглазово, в войне с империалистической Японией руководил высадкой десанта на острове Шумшу. Под обстрелом, при беспокойном море, имея ранение, он с честью выполнил свой воинский долг. Но победы доставались дорогой ценой. Пять тысяч сто сорок тюкалинцев не вернулись домой, памятные обелиски им воздвигнуты во многих сёлах района.

Из детства:

Одно из первых воспоминаний из военного детства - это когда в деревню на второй год войны неожиданно вернулся без руки, с медалями на гимнастерке, бывший тракторист-гармонист, весельчак Василий. Ему было всего 21 год, но выглядел он намного старше. Все односельчане смотрели на него, как на героя, а мы, пацаны, часто толпами ходили вокруг его избы. Жил он вдвоем с женой, больной и тихой Анной, счетоводом колхозной конторы, очень любившей детвору. Василий с одной рукой редко играл на гармошке, зато освоил профессию парикмахера, и в его избе всегда было полно людей.

ПАРИКМАХЕР

Парикмахер однорукий	он «култышкой» прижимал.
на селе моем большом	Мне кивал - «Садись-ка, тезка,
был один. Зимой от скуки	как прикажешь, генерал?..».
мы спешили в низкий дом.	Про отца мне слово в слово
В выгоревшей гимнастерке	повторял, как вместе в бой
он, медалями звеня,	по болоту шли под Псковом,
и во всю дымя махоркой,	как поздней встречались снова,
мог рассказывать полдня.	уверял-«Отец живой!..»
Про бесстрашие саперов	И, вздыхая незаметно,
и про взводный пулемет...	наклоняясь, стриг меня –
И о снайпере «матером»,-	и во взгляде его светлом
пацане в пятнадцать лет.	плыли искорки огня.
Вспоминал и переправу,	Рукавом пустым, линиялым
где попал в крошечный ад...	задевал лицо слегка,
Сам при этом быстро, плавно	и казалось мне- дрожала
вихри умирал ребят.	смерть познавшая,
Полотенце и расческу	рука.

Сразу за Василием вернулся также без руки Кузьма, но на его гимнастёрке, на погонах светились по две звёздочке. Лейтенант. Его поставили бригадиром нашей Курской бригады. (у нас в Старосолдатке проживало около 5-и тысяч сельчан и деревня делилась на три части- Курская , Воронежская и Сибсолдатка)

НА МЕЛЬНИЧНОМ ПРУДУ

Снопья стоят в тугих суслонах,
цепей звон резкий на току...
И кружат каруселью кони
весь день в коричневом поту.
На «тарантасе» - старой бричке
снопы подвозим мы с полей,
нам, пацанам, вошло в привычку
быть всюду возле матерей.
... Над током пыль и бабы крики,
седые бороды- молчат.
Меж ними есть Кузьма Никитич-
безрукий, молодой солдат.
Он даст команду и кулдышкой

руки,
махнёт- и все спешат...
Он- в гимнастёрке,
знойно дышит-
глаза, как выстрелы, разят!..
И бабы, ярые и злые,
перед ним стихают, онемев....
Им видятся черты родные
мужей, которым нужен хлеб.
... Лишь поздно в вечер, с темнотою,
стихает дробный шум страды.
На западе закат багрово
дымит, в предчувствии беды.

Вторая часть. КАРТИНЫ ВОЕННЫХ ЛЕТ

Из детства меня поразило несколько особых, незабываемый картин. Первая- это когда в деревне объявился на третий год войны дезертир, а немного позднее - узник концлагерей.

БЕЗ ВЕСТИ ПРОПАВШИЕ

*Губин Андрей и Абрамов Андрей
на войну уходили вместе.
Под Харьковом в сорок втором, в
«котле»
пропали оба без вести...
А в конце войны, за год раньше всех,
объявились нежданно в деревне.
Без погон, в шинели приплёлся один
по пыльной дороге в мае -
из германского плена, из концлагерей,
с территории Югославии.
Второго в июне милиционер
выследил на заимке охотничьей-
дезертиром скрывался два года он,*

*словно волк в своём логове.
Гремела ещё, убивала война
там, вдали, за багровым закатом...
Эти двое, как призраки, жили меж нас-
мы их все ненавидели молча.
Губин Андрей, узник концлагерей,
заговаривал с первым попавшим,
но его сторонились-
презренный плен
был плевком перед памятью павших!
Абрамов Андрей, прятанный в лесах,
пооброс и покрылся коростой,
зимой в погребке полуослеп
и скрывался теперь за погостом.*

Не убили его (хотя б надо убить),
руки пачкать о дрянь не хотелось-
да в избёнке его трое малых детей
о хлебе голодно скулили...
Не встречаясь между собой
(хотя были дальние родственники),
узник и дезертир по утрам,
как собаки плешивые, за целебной
травой,
пробирались в поля незаметно.
Сено косили, рубили дрова
и ловили рыбёшку в озёрах,
и домой возвращались впотьмах,
укрываясь от гневных взоров.
И тот, и другой были «кости да
кожа»,
только узник концлагерей
был задумчив всегда и взгляда не
прятал,
и большой его лоб был упрям и высок!
Дезертир шелудивой собачкой
с угрожающей позой перед всеми юлил-
кланялся, извивался, как червь,
или чаще во двор быстро прятался.
... Пришла Победа!
Вернулись с фронтов
шесть гвардейцев да пять калек
(на семьсот деревенских дворов).
И напротив избы дезертира
объявился Кузьма с деревянной ногой.
Костылём сучковатым махая,
выгоняя коров по утрам,
заявлял: «Сгинь же, тварь, ты
поганая!».
Ясно: то не коровам вослед,
а в лицо дезертира напротив...
Недолго так было: осенней порой
дезертир на рыбалке из лодки
вывалился, и в сети застряв,
захлебнулся грязницей холодной.
А сосед через год, весной,
в гимнастёрке на Май появился-
на груди его впадой, больной
орден Славы ярко лучился!
Громко ахали все...
У Андрея глаза

светились достоинством, честью-
в подтверждение всем он газету читал
про бои в сорок первом у Бреста.
Год прошёл.
И с Восточного фронта
сын вернулся- бравый танкист,
стал открытым их дом для гвардейцев
и с застольем, и с пляской под свист!
И Андрей с орденом между ними
чай тянул с заваркой на травах.
Над его худобой все шутили,
обещая к знахаркам направить!
Да, судьба такова: горечь с узника сняв,
клеймом оставила «кости да кожу»,
хотя в доме был полный достаток.
Мёд, топлёное молоко
пил Андрей каждый день для поправки.
Но напрасно- еда впрок не шла:
на всю жизнь он остался голодным,
худобой за версту виден был
и под вечер, ослабший, шатался.
День за днём всё желтели упрямей
желваки на щеках- пробил час.
В сенокосную жаркую пору
увезли его в госпиталь в Омск.
А потом слух пронёсся: «Рак!».
То осколки в теле оставшиеся,
что в спине рубцевались подряд-
воспалились...
Открылись раны...
Привезли его вскоре назад
в безнадёжном уже состоянии.
...И не стало соседа под осень-
хоронили всем миром его.
И теперь, только вспомню войну,
предо мной- детство бедное, мама...
И людские, лихие страдания.
Глаза женщин, полные слёз...
До сих пор, вспоминая войну,
вижу я похоронку отца,
вижу улицу вновь деревенскую,
где крадутся во тьме ко дворам,
словно призраки, два Андрея,
так похожие - «кости да кожа»...

Второе: на всю жизнь запомнился день, когда в наш дом девушка принесла «похоронку».

ПОЧТАЛЬОНША

Тоненькая, голенастая,
с сумкой брезентовой на боку
утром ранним и вечером поздним
проходила она по селу.
Шла по лужам иль знойной пыли
из края в край - в семьсот дворов
три деревни объединились:
Старосолдаткой звали село.
Ни газет, ни последних известий
ждали сельчане- а писем с фронтов,
где в строчках живое дыханье
братьев, сынов, отцов...
Она, обходя грязь и рытвины,
пробиралась вдоль шатких плетней.
О, как её ждали и как боялись,
склоняя головы перед судьбой!
Старики и старухи на лавочках,
измождённые руки на колени сложив,
перекрестясь, степенно кланялись.
Одинокие женщины,
руками грудь поплотней обхватив
(чтоб сердце потише стучало),
окружённые притихшею ребятнёй,
из калиток распахнутых выходили.
Молодки, невестки навстречу
выбежали, её окружив...
Шла она по селу-
вслед, с письмом, улыбались,
растерев по лицу скупую слезу.
Без письма- тихо, молча молились.
И почти, и почти всякий раз
где-то в улице, сердце морозя,
раздавался пронзительный плач!..
И взывали собаки, и небо темнело,
и стекались люди, о горе скорбя...
Мне тех дней не забыть-
и теперь по ночам
часто снятся кровавые зори,
ржавый лист под окном
то скрежещет, то стонет,
и пасхально поют в темноте
провода.

Почтальонша была подростком, не
более,
откуда-то приехавшая- беженка от
войны,
потому-то, наверное, её так
уважали

и с любовью усаживали в каждом доме.
Она письма читала и улыбалась,
если в письмах надежда жила.
И смущалась она, морщилась и
страдала,
если горечь и боль звучали в
строках.
О, сколько страданий чужих и
потерь
вместилось в одно её сердце!
Ко всему человек привыкает?
Враньё- она не привыкла.
В майский вечер (помню, словно
сейчас)
долго- долго стояла у нашей ограды,
что-то маме дала- слабо охнула
мать
и упала на землю, рыдая.
А она, тоже плача, закрыв лицо
руками, ушла, спотыкаясь...
И завыл вдруг наш пёс,
и качнулась изба.
И собралась уйма народа.
Кто-то гладил меня,
кто-то хлеб мне совал...
Я сбежал огородами к речке.
Губы сжав, горько думал, пацан:
раны, кровь, оторвало пусть руку-
допустимо. Но как это- смерть?!
Почтальоншу еще много раз
встречал, сумку возненавидя,
замечал грусть больших серых глаз.
А потом её что-то не стало.
Говорили: в больнице она,
в райцентре, долго лежала,
всем понравилась- больным и
врачам,
и сестрой милосердия там осталась

Третья часть. *Воспоминания...*

ВОСПОМИНАНИЯ.

5 мая 1944 года, у села Большое Раменье Псковского района Ленинградской области погиб мой отец Зензин Василий Павлович, лейтенант, командир взвода 511 стрелкового полка, 239 стрелковой дивизии.

Утро майское.

Синь небосвода...

Бьёт из дота в упор пулемёт.

*Ты упал с пистолетом на взводе,
поднимая в атаку взвод.*

*Из плеча струйка крови сочится,
но собрав свою волю в кулак,
понимаешь, что надо решиться
на последнюю из атак!*

*Приподнявшись, согнув слегка ноги
для рывка рокового вперёд,
за собой увлекая немногих,
ринулся на грохочущий дот.*

ЗЕНЗИН ВАСИЛИЙ ПАВЛОВИЧ

(на курсах младшего командного состава)

*Навечно ты остался молод
в свои неполных тридцать лет!..
Шёл май... сирени белый холод...
и в сини взорванный рассвет!*

Каждый год, когда наступает май, в моем сердце возникает двойное чувство. Да, весна - это радостное ощущение жизни, ощущение величия Победы!! Это чувство, наверняка, знакомо многим, но в то же время во мне- пустота, во мне – 1944 год, непреходящая печаль того деревенского мальчугана.

Жестокий Май!..

Там на рассвете

погиб отец... Цвела сирень...

И ныне грустью давней светит

тот солнечный весенний день

... Мои стихи- мои дороги.

Из них не выбросит теперь

раздумий и сомнений многих

как память горькую за дверь.

Как есть – таким мир принимаю:

едины «радость- боль», «свет- мрак».

Иду всю жизнь навстречу к Маю

и не могу дойти никак...

И обелиски, монументы

отчётливей весной видны,

мне не вплетать цветные ленты

венками в праздничные дни.

Признаюсь, по душе мне осень

за скромность, хмельную красу,

но если откровенно спросят-

Я в детстве потерял весну!

В МАЕ 1944 г.

Там пахнут
клевером
поляны,
и пчёлы бойкие
поют -
что я
счастливым,
сильным стану...
Отца на фронте
не убьют...
В тот год отца
вдали убили...
Пацан - я вырос,
сильным стал...
Поздней душа не
полюбила
края чужие, где
бывал.
А это поле? -
здесь по
тропке
я приходил
весной не раз.
Искал в стерне
голодный,
робкий -
те зёрна, что
спасали нас.
Ах, колоски! -
зерно на кашу!
В чугунке,
затхлые они,

недолго прели.
Лица наши
светлели в
горестные дни.

Мне не забыть,
как в май
пахали:
бурёнка - плуг,
за плугом -
мать

И как тебя всё время ждали.

Мне только это вспоминать.

Фотографии

На божнице, за иконой-
аттестат, лист похоронный...
На иконах в немоте
память о святом Христе...
Ниже, на неровных стенах-
фотографии военных...
в центре- батя молодой:
ромб в петлице со звездой...
новенькая гимнастёрка...
португеза с кобурой!
... Взгляд отца спокойно твёрдый,
Светится - такой живой!
И - военная фуражка,
в ней поздней-
осколок вражий.

ЗВЕЗДА ОТЦА

Когда в ночи горит его звезда
над тёмными осенними полями-
поют тоскливо, плачут провода,
обнявшись с телеграфными столбами.
Столбы вкопали с первых дней войны,
они тянулись вдоль большой дороги...
Подводы шли на фронт, людей полны-
назад не возвратились после многие...
Звезда отца- она с тех пор горит
вверху над телеграфными столбами...
И стонут провода- то в них звучит
отцовский голос из посмертной дали.

СВЕТ ОБЕЛИСКОВ

*Как дороги могилы близких
в осенний сумрак и дожди.*

*О, Родина! Свет обелисков
нам освещает все пути.*

*Куда б ни шел, куда б ни ехал –
навстречу звезды их горят.*

*Вдаль прокричи, и слушай эхо –
они с тобою говорят!*

Июнь 1941г.

Гортанно петухи кричали
к заре, расправив крылья....
Поля в росе... Не стартовали
ещё в бессмертье эскадрильи.
Ещё рука к руке прижата,
и сладок чуткий сон...
Ночной патруль без маскхалатов
выходит за кордон.
Но жерла чёрных вражьих пушек
в прицеле - на Восток!
Враз тысячи сапог послушно
стучат зловеще в срок.
В мгновенье небо, накаляясь,
разносит смертный гул,
рассвет с пшеничными полями
меж взрывов утонул.
И перемолоты с землею
деревни, города.
Окрашены невинной кровью
все судьбы навсегда.
Тот страшный день ,
 он где-то в дымке
за далью в сорок лет...
Лишь в памяти,
как в точном снимке:
июнь...

синь...

взорванный рассвет.

АВТОПОРТРЕТ

И ростом я не выдался, хоть силы
не занимать,
не вышел и лицом...
Я с детства знал колун метровый, вилы
да воз, прижатый плотно бастригом!
Буренка наша жалобно мычала
и, напрягая тощие бока,
тащила плуг,
и к вечеру качалась-
в подойнике ни капли молока.
В избе холодной было очень грустно
когда темнел в полнеба горизонт,
а в животе как в зимнем поле- пусто.
Но нету детских жалоб: «Всё на фронт!».
Мне в жизни каждый шаг давался
трудно,
завидую сегодняшним юнцам
и ненавижу тех, с пустою грудью,
подвыпивших, подобных подлецам...
Друзья смеются: «Слух же у тебя,
медведь на ухо что ли наступил?
А где им знать-
 глуха была изба,

украдкой мы,
в раздумье смутном.
Война,
печали черный дым,
за что та горькая расплата?!
И даже став теперь седым,
мне хочется той болью плакать!
Благословляя новый день,
взошедший с мирною зарею,
боготворю тебя, ячмень,
покрытый чистой росой!
Мне жизнь полей мудрее книг
была –
в мозолистых ладонях
я доброту земли постиг –
прими любовь мою с поклоном!
И колосись вовек, ячмень,
той светлую памятью,
живою,
где каждый трудный
честный день
отмечен и моей судьбою.

ДА, УХОДЯТ МОИ ГЕРОИ

Да, уходят сельчане- герои,
словно солнце по вечерам...
И встанут над могилами строим

обелиски, навстречу нам!
Партизан Куринных, лётчик Губин,
Грошев- узник концлагерей.
От осколков давних, зазубренных
боль несли до последних дней.
Как скрывали её?.. Как страдали,
собирая остатки сил...
... Чей-то внучек играет медалями-
видно, дедушка их относил.
Примеряет мальчонка к рубашке
«За отвагу», «За Прагу», «Берлин»...
-Если б знал, как они пропахли
потом, кровью, тревогой седин!..
... Догорают мои герои,
словно зори, по вечерам.
... У оградок, любовно застроенных,
в карауле стоять тополям.

ГОЛУБОЙ ОГОНЁК

«Голубой огонёк!» -
зал огнями рассвечен:
кителя, блеск погон...

На всю грудь- ордена!
«Голубой огонёк!» -
не забыть в каждой встрече
тот живой,
что горит

в тёмной ночи без сна.

Тот огонь голубой

называется « вечным»

на могилах безвестно

погибших солдат.

Словно звёзды они

освещают путь млечный,

тысячи обелисков повсюду стоят!

... В зале праздничном тосты-

встают ветераны,

и в ответ на награды

звучит вновь: «Служу!»

И опять вспоминают

бои, свои раны,

и украдкой стирают

ладонью слезу...

«Голубой огонёк!»-

незакатное пламя...

атакующий крик... роковая черта...

Встанут дети- отцами,

продлят внуки память!.

«Голубой огонёк!»-

наших душ чистота.

Пятая часть. Стихи из книги

«Прииртышье, край любимый»

(стихи для детей и подростков)

В ГЛУБИНКЕ

Во ржи расцвел овсюг... Вдоль леса
медуницы

встают и манят мой с утра голодный
взгляд.

Избушечка в лесу одним глазком
глядится,

и лодки сиротливые у камыша стоят.

Налево - солончак, и ковыли лавиной
качаются, плывут, как облака,

а солнце прячет в согре яркий хвост
павлиний...

И лай собачий, тихий, бежит издалека.

В ПОРУ ТЯЖКИХ ГОДИН

Резкий запах смородины,
горький привкус осин...

Это- память о Родине

в пору тяжких годин.

Сорок первый, голодный-

я в весеннем лесу,

как дары от природы-

сноп медунок несущ...

ВЕСЕННИЙ СЕВ

Дорога уходила в небо,

взбираясь круто на бугор-

а дальше- шла в лесистый гребень,

где по утрам стучал топор.

Там на заре, вершины крася,

и травы синего бугра,

вставало солнце:

«Здравствуй! Здравствуй!..» -

встречали гулом трактора.

Внизу, в лугах, текла речушка,

пружиня в сгибах свой разбег...

Быки тянули равнодушно
оглобли стареньких телег.
Зерно в мешках томилось силой,
ссыпаясь в бункеры, звеня.
Вслед сеялки победно плыли,
бросая в землю семена.
А мы под скрип телег весёлый
на склад спешили за зерном...
Уж вечером шагали в школу
в военном том, сорок втором...
Но утром вновь дорога в небо
вела нас круто на бугор...
Цвёл май... Жгло солнце...
Где б я не был-
всё это вижу до сих пор.

В куче муравьиной - суета.
Комары назойливей над ухом.
Потемнело... В небе - чернота.
Жду: вот-вот из тучи молот ухнет.
И прокатится веселый гром,
откликаясь в падах и оврагах.
Вихрь взметнется - и начнет погром,
на пути сметая все преграды.
А потом прольется чистый дождь,-
напоит цветы, траву и рожь.

ТРЕХКОПЕЕЧНЫЙ КАЛАЧ
Сорок третий. На фронте отцы...
Мир живет по суровым законам...
Мама вяжет пшеницу в снопы,
с братом старшим их ставим в суслоны.
А потом перевозим на ток,
погоняя в телеге лошадку...
Каждый день так: засветит восток, -
я встаю, обрывая сон сладкий.
Я-то знаю, что стоит калач,
трехкопеечный, не по рассказам.
Было тяжко порою, хоть плачь,
но зари не проспал я ни разу.
ОТ ЗАРИ ДО ЗОРЮШКИ...
У тракториста Сидора
в дому два телевизора -
их некогда смотреть.
В пригоне две коровы,
свинья в хозблоке новом
и с птицей разной клеть...
Есть сапоги с подковами,
костюмы ненадёванные,
и даже галстук есть...
Но от зари до зорюшки
на тракторе он в полюшке.
И некогда присесть.

ПАРЕНКИ

Свеклу и морковь

в горшочках звонких

ставила к загнетке жаркой мать...

За большой железною заслонкой

начинало что-то клокотать.

Парилось, дышало с тихим гудом...

В печку лез пронирыливый ухват,

на столе у нас сладчайшим чудом

в чашках расточался аромат.

Незатейливые вечеринки...

За окном морозный лунный свет...

До сих пор любовью материнской

светится изба... И тот обед.

Плывет сквозь ночь моя деревня,

и, мучаясь тяжелым сном,

то вспомнит пашню, то деревья,

то гриву с голубым овсом...

И слышит, как крадется осень,

как ветер мрак с болот приносит.

д. Старосолдатка

ЗАРНИЦЫ

Скатилась с неба колесница

за горизонт... А грома - нет.

Тепло в полях. Хлеб колосится -

не от него-ли молний свет?!

Помню: в горенке просторной,

в красном от икон углу,

сундучок стоял под шторой...

И дорожка на полу...

В сундучке хранились письма

от отца и - аттестат.

В нем слова на серых листьях:

смертью храбрых пал солдат.

Рядом фото, гимнастерка,

две медали храбреца,

да еще ремень потертый -

вот и все... В сорок четвертом

я остался без отца.

Б. И. Мишкину

КАК ЛЮБЛЮ!

Сторона, моя родная,

в блеске радуг, в свете зорь -

ты, мне юность возвращая,

давней болью не неволь.

Те дымящие закаты

дней войны, больших потерь
иногда тоской накатят -
страшно вспомнить и теперь.
Память ту не предавая,
вновь у бездны на краю
прошепчу: "Земля родная,

как навек тебя люблю!
Как люблю твои плотины,
леса шум и звон ручья,
и весенний гвалт грачиный -
все, чем жизнь полна моя..."

Шестая часть. Стихи из книги: «Сибирь, сторона родная»

В ДНИ ВОЙНЫ

Сруб в проулке стоял много лет,
был похож он на чей-то скелет.
Ветер в щелях свистел, ночью бревна
в темноте проступали, как ребра.
Кто проедет, пройдет - на углы
поглядит и вздохнет: эх, дела?!
И в конце уж войны, в злой мороз
разобрали, сожгли - те, кто мерз.
Через пять страшных, памятных лет
с костылем возвратился сосед.
Не сказал никому он в упрек -
ведь кого-то согрел огонек...

В ДЕТСТВЕ

Темнеет... и розовый глянец
стекает в асфальт, на панель...
А мыслей причудливый танец-
за тридевять дальних земель!
Там- речка и лес предзакатный-
в нём галочий переполох...

Вслед девочке в легоньком платье-

старушки задумчивый вздох.

Там - в поле зелёной волною

поднялся усатый ячмень...

Там мальчик на вело тропею

спешит обогнать свою тень.

Озёра в светлейшие линзы

вобрали небес синеву...

Там- мама моя...

Там- Отчизна,

в которой я с детства живу!..

ВОЕННЫЕ ЗИМЫ

В зимы военные, в годы голодные

снег заметал нам до крыши избу.

Помню: в ту, вьюжную ночь,

новогоднею-

ветер свистел одичало в трубу.

Мама крупу и пшено получала

по аттестату, что был от отца...

Праздничный ужин готовя, печалась,

нам согревала любовью сердца.

Я ТРОГАЮ ШРАМЫ

Веду на поляне с берёзкой беседу,
ладонью касаясь ветвей ...
На шрамах, в коре, открываются бездны-
в них слышу дыханье корней!
И чувствую: время куда-то относит
поляну, берёзку, меня...
И вспомнились:
годы военные, осень
и горечь холодно дня...
К нам в мае пришла похоронка-
под Псковом, в бою пал отец.
Мы- дети, сидели в избе потихоньку,
казалось: всей жизни- конец!
А мама всё плакала...
... Давние беды
внезапно зажгли огонёк,
я трогаю шрамы, с берёзкой беседую...
В ладони слетает листок...
В ПЕРВЫЙ РАЗ Я ПОДУМАЛ
Потемнели поля, перелески,
замутились у речки глаза,
и вороньей, картавою вестью
громыхнула за далью гроза.
Пыль взвилась!..
И прогорклые травы
вдоль дороги взмахнули листвой...
... Я лошадкою бую правлю,
торопясь поскорее домой.

На охапке зелёного сена,
полулёжа, смотрю в небеса,
где меняется цвет постепенно
облаков... А меж них- полоса!..
Полоса с синевой бесконечной!..
Полоса, как дорога мне в даль!..
- В первый раз я подумал о вечном,
беспредельном...И стало мне жаль:
этот луг, этот сон деревушки-
эту малую точку земли...
... И прикрывши глаза, долго слушал
как раскаты всё небо трясли!..

МАМА

Мама часто за полночь вставала
и по половицам тихо шла,
тонкую лучину зажигала-
и на кухне расступалась мгла.
Разгорались с трескотнёй поленья,
о чугун позванивал ухват,
и сквозь сон я слышал в печке пенье,
а под лавкой - посвисты цыплят.
Жалобно в углу мычал телёнок
и, скользя копытцами, вставал-
звякая пустым ведром спросонок,

сладко дно шершавое лизал.

Мама открывала двери в сени,

шла во двор, к бурёнушке в пригон,

и с морозным паром запах сена

в кухню плыл, цветами напоён!..

Мама до рассвета уходила

в школу,

где техничкою была-

коридоры, классы мыла, мыла...

А потом у входа нас ждала.

Много лет встречала так, вздыхала,

горбилась...

И мыла допоздна...

И поочерёдно отправляла

в институты

всех троих-

ОДНА!

Снежные крепости

Помню в детстве: большие снега

заносили сугробами крыши-

и свисали, подстать облакам,

меж дворами в улочках тихих.

Не проедешь, порой, на санях,

не всегда разойдёшься со встречным...

...В старенькой телогрейке, пимах

выходил я с друзьями под вечер.

Собираясь на улицах тех,

строили мы военные крепости:

были игры не ради потех-

было то продолжением верности.!

Ещё где-то гремела война-

нас, сиротских, осталось много...

и сражались мы зло до темна

с первым чувством священного долга!

... Поизрезан траншеями снег:

доты, дзоты- подряд амбразуры...

Смелый взгляд из прищуренных век...

Атакующий крик с верхотуры!

Обстрелявши снежками врага,

в рукопашную сходимся в нишах...

- Снег за ворот летит- и слегка

обжигает...Мы яростно дышим!.

ТЕЛЕГРАФНЫЕ ПРОВОДА

Задремали в луговине

одинокие стога...

В поле чистом, на овине-

пышные искрят снега.

Над дорогой ветер ноет

в телеграфных проводах,

даже ночью нет покоя-

людям: в них- и боль, и страх!..

Помню: шла война когда- то,

я мальчишкой был тогда...

Уходили в бой солдаты

и стонали провода.

И фарфоровые чашки

с вестью из чужих земель,

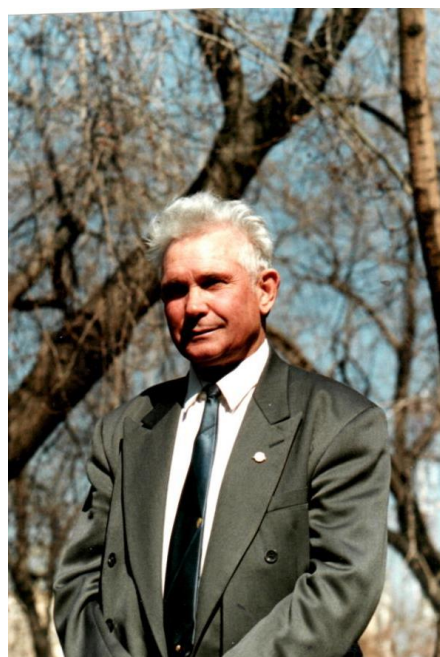
в ночь звенели о несчастье,

через вёрсты и метель.

Я ЗНАЮ ЦЕНУ ПОТА
Я праздность с детства не люблю-
точнее, даже ненавижу!
Когда о том вам говорю,
я снова маму вижу.
Весенний холод на полях.
Плуг...Борозда... Бурёнка...
И мамин взгляд: глаза болят
при виде нас, голодных.
С утра за плугом, бороздой
бредёт она, ругая клячу,

а вечером, придя домой,
над похоронкой долго плачет.
Не помню- в чём она была,
что в эти годы ела,
пока не кончилась война-
за стол к нам не присела.
Когда спала, не видел я-
с темна и до темна в работе...
- с тех пор, скажу вам не тая:
я знаю цену пота!

Седьмая часть. Отцы нам завещали жить

Я часто бываю на своей Родине, в селе Старосолдатское. В центре посёлка, у старого здания военкомата, в скверике стоит обелиск.

ОБЕЛИСК

Дом кирпичный,

старый- в окнах пыль!..

(был когда-то он военкоматом).

Рядом – скверик.

В нем белеет шпиль

obeliska... (Список павших...

Дата...)

Как во сне, рукою по лицу

провожаю, припоминаю годы:
сорок лет мне,
тридцать лишь отцу...
Старше я? –
и непонятно вроде...
Щеки запылали,
вдох притих...
...Вспоминаю детства
мир огромный:
суп ел с лебедой...
и чёрствый жмых...
запрягал свою Буренку в дровни.
Собирал на поле колоски...
с дедом ставили снопы в суслоны...
Усмехался дед:
"Зажмем в тиски
все вражье –
картечью их каленой!".
Но однажды - не забыть лица
почтальонши,
постучавшей в двери с
похоронкой...
...Горю нет конца...
-Хочется, как прежде,
ждать и верить.
...И к подножью
наклоняясь низко,

землю я беру
под обелиском –
вместо той,
не взятой мной с могилы-
на чужбине,
где отца убили.

**д. Старосолдатка, Тюкалинский
р-н**

Память

Слышу птичьи секреты
в рассветном окне.
Фонари, как ракеты,
вспыхивают во тьме.
Июнь...
Двадцать второе...
самый длинный день...
Помнишь мир,
мир огромный-
в небе «юнкеров» тень?!
Память снова наполни,
давнее оживи!..
Да, не хочешь,
но вспомнишь
ночь ту -
в небе лучи!
Так же- двадцать второе...
сорок первый год...

... Утро смешано с кровью...
дым встаёт до высот...
Крики ужаса, боли-
кружится вороньё...
Ах, доколе- доколе
будешь жечь, забытьё?!
Гомон птичий средь лета
в открытом окне-
память тридцатилетняя
с сердцем наедине!..

Сушилка

Под крышею – площадка:
печь да под...
В гуртах пшеница... плицы и лопаты...
С нас, пацанов,
катился жаркий пот
когда, в ночь,
приходилось хлеб лопатить.
Играли блики ярко на лице,
дрова трещали в печке,
словно взрывы,
и каждый думал о своём отце...
Рукой воронки на пшенице рыли.
И жарили на печке коноплю
и не было её на свете слаще...
Уставшие, встречали мы зарю

за спорами о страшной силе
вражьей...

... Да, здесь был ток,
на этой вот поляне.

Темнеет...

Зажигают свет дома.

А вдоль забора спелый конопляник
несёт навстречу терпкий аромат!

Берёза

Я стою у родного крыльца

вспоминая далёкие беды.

Здесь мы ждали вестей от отца.

Со слезами встречали Победу...

Возвратилась ко мне тоска

по хлебам, золотеющим в полдень,

по прохладе лесной ветерка

и по ведрам, брусникою полным...

Мне береза припомнилась вдруг,

старая,

с огрубевшей корою,

там, где речки сверкал полукруг,

поднималась она над горою.

Каждый вечер в кроне ее —

несмолкаемый птичий гомон.

В каждом листике песня живет!

В каждой веточке — мир огромный!

И всегда,

в ливень летний иль зной,

укрываясь под сенью березы,
слыша щебет иль ветра разбой,
становился я тише, серьезней...
Я не видел оркестров тогда,
никаких я не слышал симфоний
в тех, войной оглушённых годах.
Только эту берёзу и помню.

Сын тебя перерос

Ты упал с пистолетом на взводе,
поднимая в атаку взвод...
Над тобой тридцать лет половодье
пронеслось...
Лес другой уж растёт...
Где чернела траншей подкова,
где траву огнемёт выжигал,
возле Пскова, древнего Пскова
братский памятник засиял.
Мне сегодня почти под сорок,
старше я-
сын тебя перерос!!
... Расстегнув у рубашки ворот,
отвечаю на главный вопрос:
«Всё в порядке,
за Мир мы в ответе!..
За плечами у всех институт,
и взрослеют уже наши дети
и равнясь, в шеренги встают.
Знай, в далёкой и милой Сибири
там, в деревне, где рос ты и жил

-обелиск над привольною ширью
алой звёздочкой засветил!
Мир по- прежнему глух и опасен,
ведь ракеты врага целят ввысь...
Небосвод над Россией ясен,
ты спокойно в него глядись!..

России лик святой

Я не смирился с лихолетьем:
ни вор, ни рэкет, ни злодей
не застили мне образ светлый
России, родины моей!!
Её унизив - рвали, били...
А защитить - ну, кто бы смог?..
Ведь не было управы, силы
на тех, кому - ни царь, ни Бог!...
И всё ж осталась неделимой
душа и русский лик, святой!
Земля, которая вскормила,
за честь свою зовёт на бой!
Не раз и раньше бедовали-
такое было со страной,
но все напасти отступали,
когда народ вставал стеной!

Восьмая часть. ПУТИ-ДОРОГИ

Севастополь

Я в турпоездке: летний Крым...

Экскурсия- в огонь и дым?!

Сапун- гора!.. Сапун гора!..

По склонам доты да окопы...

И громогласное: «Ура!..»-

скалистые вершины копят...

Святая людям панорама

открылась в дальних днях войны,

боль не зажившеюся раной

предстала памятью вины.

В Тигартене

*Фашистские, воинствующие молодчики
устраивают провокации у памятников
русским воинам (Из газет)*

У памятника в Тигартене
закат багровый бросил тени...

На век остались здесь солдаты,
последний получив приказ-
им не хватило только час,
в то утро майское, девятого.

Сурово смотрят с постамента
ещё в дыму, ещё в огне.

И запах пулеметной ленты
горчит свинцово в тишине...

Так тридцать лет стоят на страже
здесь, на чужбине, вдалеке.

А ночью тени, снова, вражды
ползут, сжав злобу в кулаке...

... Чеканя шаг, к отцам и дедам,
идёт на смену караул-

к ним, не увидевшим Победу,
но слышавшим Салюта гул!!

У неизвестной могилы

Погибают-то чаще не трусы...

С благородною, сильной душой
гибнут парни, как воины русские,
не вернувшись однажды домой.

В падах, сопках, во льдах океана-
обелисков гранёный шпиль!..

... Лягут рельсы дорог, гордо встанут
города возле этих могил!..

Жаль, что гибнут- то чаще герои.

Трус, как червь, от беды ускользнёт...
ни в огне не сгорит...

ни утонет...

Только воин в бессмертье войдёт!

Приезд в Пушкино

У въезда, в скверике зеленом,

в отливе бронзы, кучерявый –

стоишь ты, юный,

в мир влюбленный,

поэт с немеркнувшею славой!

Пробита пулей грудь навывлет

в огне блокадном

в дни войны,

но новый памятник не вылит –

вдвойне он дорог для страны.

... Иду аллеями по парку.

Здесь ты гулял...творил...любил...

И пульс в висках звенит - аж жарко:

каким далеким миг тот был!

На реставрированных стенах

палат дворцовых и лица

мне видятся чужие тени –

и кто-то в сердце твое целит...

За далью - даль,

там алой кровью

горят закатные снега...

И нынешней,
и давней болью
стучится время у виска!
Нет, как бы жизнь ни убивали –
она восстанет из руин...
Ты вновь стоишь на пьедестале,
поэт - России верный сын!

Идут маневры НАТО-

свинцовый льётся град.
Свежи и нагловаты
шеренги,
чётко ряд....
Чеканя шаг подковами,
танкетками гремя,
вытаптывают снова
оглохшие поля!
Под залпы смертоносные,
сквозь гарь и жуткий смрад
всплывают крестоносные
знамёна бундестаг.
И «першлинги» сурово
нацелены в зенит,
в любой момент готовые
весь мир испепелить!
Под свастикой- жар бреда
коричневой чумы...
Эсесовский последыш
вновь целится из тьмы.

Доколе это будет
на горестной земле,
забыли разве люди
о пепле и золе?!
Текли кроваво реки,
от слёз полны моря...
И до сих пор калеки
протезами скрипят!..
... Идут маневры НАТО-
свинцовый льётся град.
И снова наглогато
звереет чей- то взгляд.

МАЛАХОВ КУРГАН

Вечереет...
Причудливей тени...
Высоко розовеет курган.
Осторожны наверх ступени
по виткам, по кругам.
Меркнет свет
в полумгле бастионов,
канониров у пушек нет,
стынут ядра —
орехи каленые,
словно плуг,
порыжевший лафет...
Вот вершина...
Вечерний город
опоясал огнями залив,

где на рейде спокойно и гордо
свою вахту несут корабли.

Потемнело...

Отчетливей вижу

панораму далеких дней:
матрос Кошка меж взрывов рыжих
и Корнилов с трубой своей.

Пирогов, перемазанный кровью,
рядом раненый дико кричит,
клубы дыма...

Ход снизу роют,
и сверкают штыки в ночи...
Неостывший от близкого боя,
вниз спускаюсь

наискосок.

Ресторанчик шумит под землю —
бывший пороховой погребок.
О, кощунство! Какой-то парень
в тельняшке стоит у дверей
и, шатаясь, совсем не от раны,
с руганью окликает друзей.

в пулковской ОБСЕРВАТОРИИ

Поднимаемся мы на высоты
меж деревьев, что покрыты шрамами...
В глыбе камня- цель, остаток дзота...
Тополь без вершины... Всюду- ямины...
А экскурсовод ведёт рассказы
о планетах, о мирах безвестных...
Рядом слышен скрип протезный вяза,
заглушающий мне птичьи песни.

- Нет! Совсем не трубы телескопов-
жерла пушек смотрят в синеву!

И бурьян засыпанных окопов
шепчет мне полынную молву.

Вижу будь-то: Ленинград... и холод...
в улицах- смертельные бои...

с Пулковских высот расстрелян город...

- «Девушка, об этом расскажи!?.»

Одесса

Разноязыкая Одесса

и разноликая, как сон:

то, как курортница- принцесса,
то- неприступный бастион!

... Проходят в чётком карауле
ребята к вечному огню.

Иду я рядом, как под пули
в том, не законченном бою!..

И зелень парков и причалов,
и плеск волны о волнорез

знакомой музыкой звучали-
гремел Утёсовский оркестр!..

На Дерибасовской по ходу
спешил вдоль гавани морской...

На синей глади теплоходы
блестели яркой новизной!

И насладившись панорамой
порта, где флаги разных стран,

присел в приморском ресторане...

И, как музей, был ресторан.

Официантки, что актрисы:

красивы, чопорны, чуть злы...

А я поесть скорее мыслил,

а есть мне долго не несли...

Потом- в театр...

Затем по главной,

по Дерибасовской спяна,

среди моряков степенно плавал-

была кипуча их волна...

- Разноязыкая Одесса

и разноликая, как сон:

то, как курортница- принцесса,

то- неприступный бастион!

По путям, по дорогам

По путям, по дорогам

разбегаются дни...

Память- веточку трогай,

осыпая огни.

Замерзающий Север,

разомлевшийся Юг-

исходил я, измерил...

Не один стёр каблук.

Оставляя частицы

по дорогам себя,

я хотел причаститься

к твоим звёздам, судьба!..

Гости всюду желанны-

если честный ты гость,

подадут, не обманут,

счастья малую горсть.

... Но теперь, как хозяин,

жизнь пройду до конца,

не хочу счастья взаем

у чужого крыльца.

-Я старею... Мне страшно.

Полпути позади!..

В борозде моей пашни

каким всходам взойти?!

Шлях войны

Я помню осень: на восходе

бреду, не чуя своих ног,

по пыльной, горестной дороге

среди военных тех забот.

То- пыльный шлях...

Там в дальней дали

исчез отец...

Там дым- столбом...

Там боль надежд всех, ожиданий,

опалены навек огнём!

Девятая часть. АЛЕЮТ ЗВЁЗДЫ

МОЯ ЗВЕЗДА (звездная Ода)

Моя Звезда! -
Ее я помню с детства,
точнее с дня, всем памятного дня:
со скаткой серой, жесткой шел отец мой,
прижав к груди притихшего меня.
Звенела медь оркестра...
Одичало
крик женский раздавался у подвод...
И на пилотке у отца сверкала
ЗВЕЗДА!!

- Темнел далекий небосвод...
ЗВЕЗДА,
ее алеющее пламя,
казалось, раздвигало мрак заката!
И люди, с полными от слез, глазами
Невидяще смотрели вслед- на запад!

*Преданье в детстве как-то слышал я
от бабки, что Звезда своя –*

*у каждого... Умрешь- и та Звезда,
сорвавшись вниз, сгорает без следа.*

*И страшен был годов тех звездопад,
ведь что ни день, несли в мою деревню
листочки похоронных на солдат...*

Но разве в смерть отца я мог поверить?!

*... Девчушка с почты гладила меня,
рыдала мать, соседи у дверей...
И провода, ночь напролет звеня,
поют и плачут сотней матерей!*

*Бал- маскарад, бенгальские огни...
В фойе огромном кружимся одни...
На елке снег, повсюду громкий смех...
Иголки острые сверчками светятся...
Нежны слова на затемненной лестнице...*

*А позже в улице - холодный мех,
насмешница- луна и льдинки звезд...*

*На Север, вскоре, лейтенант тебя
увез...*

Но для меня, чтоб ни было, а ты

*осталась той же девочкой- снежинкой,
моею первую таинственной слезинкой ,-
той звездочкой, слетевшей с высоты,
что раньше всех взошла и посветила...*

И кажется: вчера все это было!

*Есть кинозвезды, звезды театральные,
спортивные... и прочие...*

*Воображенье будоража раннее
меня, как и других, в звезду пророчили.*

*Пророчили, но конечно с пророчеством,
иные звезды мне в пути зажглись-
те люди, что единым росчерком,
преображают, утверждают жизнь!*

*Те, кто дыханьем каждым приближает
мечту страны, вложив в нее сердца...*

*На чьей груди сверкает Золотая
пятиконечная Звезда!!!*

МЕМОРИАЛЬНАЯ ДОСКА

(поэма, напечатана впервые в газете «Крестьянское слово» 21.04 1885г)

В городе Тюкалинске, в День 20-летия Победы над фашистской Германией, на дощатых воротах дома одной из улиц был вывешен щит со словами: «Прохожий, остановись. Здесь живёт герой-партизан Куриных Филипп. Он защищал тебя, Родину»

...Прошли годы. Дожди и вьюги выбелили щит, уже трудно разобрать надпись. И только звезда, как и прежде ярко- алая, призывно светит издалека.

1

Мемориальная доска - единственная,
историю которой знаю я.

Смотрю и вспоминаю, перелистывая
за годом год, обиду затая.

Нет! Я не против слов «Он не
умрёт!..»

Что «с нами навсегда!»», что «Он
бессмертен!..»

Но горькой правды в них не достаёт,
как иногда в красивой киноленте.

Без надписи я помню этот дом,
бревенчатый...Наличники резные...

Зелёные рябины под окном
и синь небес - как песни о России!

2

Словно пули, свищут пчёлы,
и вокруг - цветы...

Отчего так невесёлый,
молчаливый ты?..

В огородах - алы маки,
песни за рекой.

Чайке хочется поплакать
над чужой бедой.

Кличет, в сердце беспокоя
память грозных лет,
рвётся в небо голубое
отблеском ракет!..

3

Небо гулами расколото-
трассы огненные в нём.

Взрывы, как удары молота,
и закат горит кругом.

Лопаются парашюты,
словно пены пузыри!

Пули взвизгивают жутко-
смерч внизу, замри.

Весь десант почти расстрелян
в воздухе... Кто уцелел,

в темноте ползут до цели-
это лишь начало дел.

А потом - леса, болота...
Партизанские бои...

Полицай иль унтер - кто ты?
Кто? - не знали и свои.

Был разведчиком в отряде,
и пришёл с войны назад

ты, без званья и награды,
безымянный наш солдат!

4

Невысок, слегка кряжист,
с льяными волосами,

в разговорах не речист...
Добрыми глазами

настороженно смотрел

с грустью незаметной...
Позже дядька между дел
рассказал секрет мне:
Книжки есть про Ковпака
и отряд Медведева,
есть в них факты с «потолка» -
правде не соответствуют.
Потому другой Филипп,
Куриных - предатель...
Видно, в тайны те не вник
«ветрогон» - писатель.
Он - разведчик, тот Филипп
под чужой фамилией..
Прочитал Филипп, и сник:
докажи - столь минуло.
Нет архивов, нет того...
Кое-кто подшучивал.
От насмешек, от всего
боль под сердцем мучает...

5

Опять весна!.. Победно распевают
ручьи. прёт веток молодой побег...
Филипп. нас с дядькой у ворот
встречая,
к себе ведёт на праздничные обед!
За стол сажает, рюмки наливает:
«Что ж, с 1-м Маем, праздником
весны!

И с праздником моим...» - и нам
читает,
читает телеграмму из Москвы.
Читает - а глаза слезой застлались,
читает - пятна света на лице!..
В Москву на день Победы приглашали
те, с кем дружил во вражеском кольце.
Москва!. - как долго ждал он это чудо.
Москва! – он жил надеждой до конца...

Теперь ему во всём поверят люди,
не будет больше тени подлеца.
Прочёл. Присел... И нежно обнимая
жену и нас, шутил: «Моя весна
пришла...»

Румянцем ярким занималась
на щёках каменная желтизна.

6

Аэропорт. Москва... Филипп с
друзьями,
которых мог не встретить никогда!
...Потом места боёв, где партизанил,
и встречи- с кем свела судьба тогда.
Вернулся из Москвы счастливым,
светлым-
но как-то сразу занемог и слёг...

7

О нём писали многие газеты,

на пионерский приглашали слёт.
А он лежал в больнице, на окраине,
в лесу, где осень тихо шелестела,
и зная, что смертельно раком ранен-
спокоен был, собравшись до предела.
Москва, ему награды высылая,
запрашивала о его здоровье-
а он, уже подолгу погружаясь
в какой-то сон, сдвигал сурово брови.
Лететь на юг отказываясь вежливо,
с тоской следил в окне за облаками.
Не помогли профессора приезжие-
болезнь была запущена годами.
Остановилась стрелка золотая

часов, ему подаренных в Москве...

8

И я стою, и снова вспоминаю,
как в первый раз навстречу вышел мне.
Не в орденах, не со страниц газетных,
где интервью о подвигах просили,
а тот-простой, и внешне
неприметный,
каких встречаем мы по всей России!..

Из палаты «БЕЗНАДЕЖНЫХ» (поэма)

10 декабря 1975 года. Омск. ИФК. Актовый зал института переполнен. Лекцию «Физическая культура и спорт», -читает кандидат педагогических наук, мастер спорта Юрий Павлович Симаков.

...Сталинград.
Декабрь, двадцать третье...
В битве, равной которой нет,
повстречался впервые со смертью
в восемнадцать неполных лет.
Я механик – водитель танка,
на кровавом и черном снегу,
в ожогах сплошных и ранах,

коченел под железный гул...
Очнулся – бинты, примочки,
нашатырь, рядом чья-то кровать.
Бодрый голос: «Морской летчик,
Николаем Петровичем звать...»
Рот открыл в ответ,
но болью
пронзенный куда-то поплыл

Около двух недель продолжалось изучение немецкого языка. Состояние моего соседа, гвардии майора морской авиации Сконины Николая Петровича, резко ухудшилось...

Лунный свет белою краскою мажет стены, пол...

Всюду призрачный свет.

Уральские острые кряжи

чернеют в окне, как скелет.

Сон, истерзанный болью и бредом,

похож на загробный мир...

Слышу стон, вроде как от соседа:

– Это, вы? – я тихонько спросил.

– Да я ... – Николай Петрович

отвечал, тяжело дыша.

Что-то плохо

мне, друг, не скрою,

просит воли иной душа.

Не зови медсестру, не надо,

чувствую, не помогут врачи,

выслушать наберись отваги:

у меня нет родных почти,

а семья вся осталась на западе,

все погибли... Пойми, теперь

ты – как сын мне,

тебе моя заповедь –

не бойся лишений, потерь,

только в лучшее верь!

И запомни: из всех драгоценных

сокровищ на земле

самые дорогие –

ВРЕМЯ и ЧЕСТЬ.

Береги ВРЕМЯ и ЧЕСТЬ!

Я смотрел на соседнюю койку:

плечи виделись и голова –

большая, седая, с достоинством

повторяющая слова:

«Береги ВРЕМЯ и ЧЕСТЬ!

ВРЕМЯ и ЧЕСТЬ!».

Зыбкий свет разливался по комнате,

заполняя проемы, углы,

необычную силой я наполнился –

всех повязок трещали узлы.

Дрожь из сердца влилась в суставы:

руки, ноги пронзила искра,

шевельнулись пальцы –

оттаяли!

Я заплакал...

В рассвете утра

окна медленно ширились синью:

«Будешь жить!» –плыли

звуки во мне.

Только тот, кто назвал меня сыном,

навсегда холодел в тишине.

Начались упорные занятия физической культурой. Целыми днями проделывал массу упражнений, разрабатывал подвижность рук и ног, лежа крутил «велосипед». Поправлялся быстро. Через месяц меня выписали и направили в штаб дивизии как знающего немецкий язык. За три месяца экстерном прохожу программу института и работаю в качестве переводчика.

Бои все дальше уходили на запад. И здесь, в конце войны, меня включили в группу по подготовке материалов к Нюрнбергскому процессу. Дни и ночи приходилось сидеть над толстыми папками обличающих документов. Ужасы зверств и нечеловеческих испытаний со страшной силой навалились на меня. Галлюцинации преследовали меня повсюду, я совсем перестал спать, мечась в ночном бреду...

По земле оголенной, израненной,

присыпанной серым пеплом,

ползет чудовище странное,

цепляясь клешнями крепко.

В горло впилося Ленинграда,

тянется злобно к Москве,

в степях

у стен Сталинграда

прячет жало в траве.

Присосками,

словно пиявками,

пьет чудовище кровь,

виселицами – удавками

душит к свободе

любовь.

Нации порабощая,

ползет вперед

напролом,

сознание уничтожая,

порождает низость и

зло.

Ад мучений: Майданек, Освенцим,

Маутхаузен, Бабий Яр...

В чудовищных «фабриках смерти» –

удобренье и даже «товар».

В дамских сумочках из человеческой

кожи – судьбы чьи-то и боль!

Парики – их хватит на вечность!

Горы челюстей – известь и соль!

...Я по снегу бреду за Зоей

босиком, с Карбышевым стою

раздетый... Метель злобно воет,

застываю глыбой во льду...

Мне на пытках отбили печенку...

Стариком задыхаюсь в дыму...

Я расстрелян вместе с ребенком...

Столько выпало мне одному!

Сон за сном!

Вот глухая полночь.

Вижу: с дочкой сжигают мать.

Закричал:

«Что же вы, сволочи?!..».

И, проснувшись,

не смог привстать...

Со мной случилось страшное: паралич правой половины туловища. Ожили, занесли старые раны. Комиссия, обследовав, определила инвалидность первой группы и направила в госпиталь под Москву.

В Подмоскovie цвела сирень...

Волшебством пробужденья объятый,

вливался весенний день

в раскрытые окна палаты.

Надрывались в восторге скворцы,

растревожено галки кричали,

цвел рассвет...

Длинных веток концы

тополей у окна качались.

Ближе всех, тонка и светла,

сияла березка, казалось,

в косички сережки вплела

и о чем-то заветном шептала.

... Вспыхнули так знакомо слова

тихим шепотом: «Будете живы!..».

Дальше, в дымке, его голова:

«Ты отныне мне вроде сына...».

И снова начались ежедневные занятия физической культурой. Медленно, постепенно восстанавливались чувствительность руки и ноги, а затем и движения. Начал мало-мальски ходить с костылем. В госпитале встретил День Победы...

Выписался – и сразу в Омск. Кроссы и езда на велосипеде, зимой – лыжи. Через год полностью восстановился, но, памятуя, что нужно иметь запас прочности, не прекращал ежедневных занятий. Вскоре я показал результаты второго спортивного разряда по велоспорту и лыжам. На лето в отпуск уехал на юг и там все время не слезал с велосипеда. Чудесное превращение: был калека, а прошло два года – я с крейсерской скоростью проношусь по побережью Черного моря.

Шины шуршат,

распевают

знакомый веселый фокстрот,
асфальт под колесами тает
на солнце...

Жжет губы пот...

А может, не пот льнет соленый –
а ветер свежий

морской,

а может, то брызги зеленой
бегущей волны озорной.

Педали всю выжимаю,
не дрогнет сверкающий руль...

Вдоль берега чайки мелькают,
как веер

трассирующих пуль!

Вскоре меня пригласили в военкомат и поставили на учет. С тех пор прошло много лет, я выполнил норматив мастера спорта по туризму, много участвовал в различных походах. Ныне я член Союза журналистов, изучил шесть иностранных языков, был на Олимпиадах в Мехико, Саппоро. Написал десяток книг, готовлюсь к докторской диссертации. Мне 54 года, зимой я пробегаю на лыжах ежедневно 20 – 30 километров, летом в кроссе 15 – 20 километров...

«Лекарство – яд», –

записано в трактатах,

я без таблеток разных обхожусь!

Я не курю, не пью – на то характер,
люблю рассвет и утра новизну!

Когда темно

и в небе чуть светает,

неслышно отделяясь от земли,

бегу я на зарядку, ощущая

огромный мир, простершийся вдали.

На набережной, в сквере, ночи тени
исчезли,

росы светят на цветах.

И красота рассветная мгновенна –

нетронутая, девственно чиста!

И каждый день неповторим и светел

твоим раздумьем и твоей мечтой!

Но есть же чудаки на белом свете,

кто СПОРТ считает

манией пустой.

Бывает так:

бегу я в парк на кросс,

а парни едко из окна машины

кричат:

«Эх, скипидару бы под хвост!».

Другие:

«Вот дурак, вот одержимый...».

Поздней, под вечер повстречаю их

у магазина, на троих делящих,

и небосвод, что ласков был и тих, –
качнется пьяно, матерно кричащий...

прекрасна жизнь, но коротка, одна –
и надо каждый час делами полнить!..

Работаю я часто допоздна

и мучаюсь в сомнениях, и помню:

Юрий Павлович Симаков – живая легенда. Профессор, доктор наук Сибирской академии физической культуры, ответственный секретарь Олимпийской академии, мастер спорта. В сентябре 2000 года ему исполнилось 75 лет, но и сегодня, как и все последние годы, он стартует в многокилометровых пробегах, выигрывает соревнования среди ветеранов, участвует в Сибирском международном марафоне.

Десятая часть. ИЗ СЕЛЬСКОЙ ЖИЗНИ

Постоянство

Поужинали... Мать, прихватив со стола деревянные ложки и миски, поспешила за ворота, где напротив дома на лавочке собрались соседи. Там идет бурное обсуждение прожитого дня: кто косил сено и где, кто каких принес грибов и ягод, кто поженился, кто напился, и еще многое другое...

Мать родилась и выросла на этой улице, здесь ее хоть и плохонький, но свой дом. Огород, двор, хозяйство. Здесь вся ее жизнь от начала и, возможно, до конца...

И чего только не вспомнят в разговоре: отсюда проводили мужей на фронт, обратно шли листы похоронок, да редко – солдаты, чаще – калеки. А они, женщины, впрягались с коровами в плуг – я сам, будучи пацаном-малолеткой, все это не только видел своими глазами, а часто и помогал взрослым.

Я давно не живу здесь, но многое мне помнится, лица сельчан знакомы до сих пор. Втайне прислушиваюсь к разговору. Через открытое окно хорошо слышны «охи», «ахи». Сколько во всем непосредственности и доброты, взаимоучастия. Ласково называют друг друга «подружками», а каждой из них – за пятьдесят.

Наперебой приглашают к себе на чай, любовно хвалятся сыновьями, дочерьми, внуками...

Я вспоминаю, как несколько лет назад, переманил мать к себе в город, на пятый этаж. Пожила она и заявила: «*Не могу – как в тюрьме у вас, задыхаюсь...*». И уехала. Я тогда обиделся, а сейчас понимаю: она по-своему права.

Августовский вечер быстро сгустил сумерки. Прошли ребята из кино, утихли и голоса на лавочке. Только далеко-далеко, на заречной улице, заиграла гармонь...

КУЗЬМА СТЕПАНЫЧ – ВОДОВОЗ

Два в бричку впряженных коня,

стихает дробный стук копыт,

перебирая удилами,

и вновь деревня тяжело спит...

храпят, глухую тьму дразня, -

Танкист,

и вот уж где-то за домами

он глох на поле битвы

от взрывов,
 лязга гусениц –
четыре "тигра" им подбито
еще под Брестом,
 у границ.
Потом в степях у Сталинграда,
в Крыму,
 на Эльбе дрался он,
на минах рвался...
 И снарядам
в бою последнем подожжен.
И на таран
 горящий танк свой
вел в наползающем дыму...
Теперь по службе интендантской –
протез ноги виной всему.
Нахохлившись,
 как старый беркут,
к далеким правит огонькам,
на черных бочках звезды меркнут...
Все ближе гул издалека.
Комбайны, светом тьму кромсая,
идут повзводно полем ржи,
из бункеров зерно сыпают
на землю прямо
 у межи!..
Туман слоится над поляной

и островком чернеет лес,
и там,
 у полевого стана,
он ставит бричку под навес.

БАБУШКА АКСИНЯ

(НЕОФИЦИАЛЬНОЕ ИНТЕРВЬЮ)

"Скажите, бабушка Аксинья,

Вам, верно,

 девяносто пять?.."

Смотрю в глаза с весенней синью,

ответ хочу в них прочитывать.

Лицо, иссохшее в морщинах,

покрыл загар нелегких лет,

но этот отсвет

 юно-синий

из глаз струится, как рассвет!..

Она смеется:

 "Да, сыночек,

мне скоро девяносто шесть,

в деревне этой,

 между прочим,

вся жизнь прошла моя,

 как есть.

И та скамейка возле входа,

огнетушители,

 ходок –

на наше схоже,

наше вроде
- дай погляжу еще разок?"
И смотрит на газету "Правда"
со снимком птичника в углу,
косит и на меня украдкой –
что я еще сказать смогу.

"Вот, бабушка,

и надпись ниже:

совхоз Иртышский,

Ваше имя..."

"Нет, плохо я, сыночек, вижу,

с чего ты взял,

откуда вынял?.."

И гладит пальцами старательно

концы лянлого платка

ее сухая,

узловатая,

неторопливая рука.

КОМБАЙНЁР ПРИШЕЛ В КИНО

На экране ласковое море

лижет загорелые тела...

А в ушах- стучат ещё моторы

тихо, будто бы перепела.

А в глазах пшеница морем катит
и в руках- дрожание руля,
и комбайн натруженный укачивает
в сумерках остывшая земля.

... Кадр за кадром- на экране море,
пляжи- и лежат в лучах тела,
а его усталость клонит, борет-
дома ждут хозяйские дела.

Не был отродясь на жарком юге
и без дела часа не лежал,

на ветрах степных, в колючих вьюгах
лишь лицом багрово загорал.

Раза три за лето искупался,

было даже- баню пропускал,

для вдовы- соседки постарался:

дров привёз и сено ей сметал.

Осень Прииртышская –короткая

Прозеваешь - и хлеба в снегу,

надо запастись ещё картошкой,

дом подправить, заменить слегу.

Надо многое- усталость клонит,

и глаза слипаются без сил...

Чудится ему: свои ладони

в волны ласковые опустил!..

Мостки

Узенькая травянистая речушка, пересекая всю деревню, проходила рядышком с нашими огородами. Я – в отпуске, мать попросила меня:

– Иди, помоги деду Андрею, нашему соседу, сколотить мостик у реки. А то берег грязный, трава с осокой – полоскать белье или начерпать водицы для баньки надо – и не подойдешь. Старый мостик сгнил, ребятня его разбросала...

Я лопатой копаю ямки под колышки-столбики, дед Андрей топором заостряет их, вбивает, кладет поперечины. Седобородый, жилистый, в широкой рубахе, закатав штанины, дед проворно и четко орудует топором. Он любимец всей нашей улицы, у него более десятка орденов и медалей за отвагу на фронтах Великой Отечественной войны. Он служил в сапёрном батальоне.

Дед неторопливо укладывает доски и ведет со мной разговор:

– Петруха совсем не пишет, уехал и – все... И – не женится. А мне бы внуков, ведь совсем одни со старухой во всем доме. Звали Настю с мужем и детьми из города переехать, так и слушать не хотят. Он же городской, да и родители его там. А все-таки детям надо бы свежего молочка, да огурчиков с грядки, да и лес рядом: ягоды, грибы...

Я его слушаю и наблюдаю, как две ласточки над водой играют с маленькой травинкой: то роняют ее, то с лета подхватывают у самой воды. Смотрю и вспоминаю свое детство, лесное царство. Дед прерывается и продолжает рассказывать про нынешний урожай: и хлеба-то хорошие, и ягод, грибов полно. И слова его льются и льются, как вода в этой светлой речушке. Вот только жаль, что очень обмелела. А когда-то, помню я, была плотина – и вода разливалась под самые огороды.

...Неожиданно из камыша напротив выплыла дикая утка с желтыми утятами. Посчитал: девять. Не обращая внимания на нас, табунок завернул в соседнюю осоку...

Я смотрю в воду – и мне кажется (да это так и есть), что речка лениво убегает за порыжевший косогор, словно приглашает меня пойти за ней. Я в детстве уходил на десятки километров вдоль реки на ее луга, разливы. Кустарники, камыши, прибрежный лес – все было просто сказочным...

Дед Андрей берет доски и укладывает их на поперечины, я придерживаю, а он ловко вбивает гвозди. Все – мостик готов. Дед глади широкой, мозолистой ладонью доски, глядит в реку, словно что-то разглядывает в ней. Вздыхает и грустно роняет слова: *«Раньше была семья у нас в четырнадцать душ – шестеро братьев и столь же сестер. И все остались в деревне, а сейчас тут – одни старики. Уж больно глупо складывается нынешняя жизнь, всех разъединяет. И радости – никакой...»*.

Я молча слушаю и где-то внутри соглашаюсь с ним.

Мотин

Между нами, мальчиками, был он героем. Взрослые же чаще называли его хулиганом. Правильным было и то, и другое. Он мог переплыть осеннюю речку, пройти по первому льду, оседлать любого жеребца. Летом с ордою ребят наводил ужас на деревенские огороды, обирал горох на колхозных полях. После войны нас, безотцовских, голодных, было полно. И всем хотелось есть.

Если школьники классом копали картошку, то в конце дня уходили в лес, где пекли на костре «печенки». Когда собирали весной колоски, то выливали из нор ярко-красных крыс и серых кротов.

Сашка вечно что-либо выдумывал. Любил в ночь возить с поля зерно и сочинять всякие небылицы, пока быки медленно тащились сквозь темноту. Или на сушилке, разгрузив зерно, жаря на плечах коноплю, пытался вставить слово в разговоры взрослых, обсуждавших последние сводки информбюро. И все-таки больше всего известен был он своими проказами.

Помню, как проволокой через дырку снимал он дверной крючок в колхозном клубе во время киносеанса, как первым влетал в кинозал. Намерзлые валенки катились, как коньки. Где-то уже у сцены, несколько раз развернувшись, валенки останавливались. Затем он, а следом мы падали меж рядами, лезли под стулья. Контролер включал свет, находил и выпроваживал кого-то, но кое-кто оставался и потом бесшумно (ведь кино тогда было немым) вылезал из засады.

Зимой мы ловили снегирей, чечеток, дроздов. Может, это были не дрозды, но посеребренные, большие красивые птицы удивительно походили на них. Правда, старые люди называли их «подорожниками», так как они обычно бегали по заснеженным дорогам. Ловили мы птиц коробами, ситами от веялок. Ловили десятками. Сажали в огромные клетки или просто пускали по избам.

Летом, как только выросли выводки птиц, мы с собаками и ружьями днями бродили по озерам и лесам. Ружья были старые, в основном, берданы, к которым имелось по три-четыре патрона. Чаще стреляли мы из пращей. И вот в первый послевоенный год, в начале августа, когда нам было уже по двенадцать-тринадцать, случилось несчастье.

...С самого утра лил дождь. Прибежал ко мне Петька и говорит: «Мотин зовет нас в лес, на тетеревят». Я отказался, так как у меня на пятке от прокола сучком образовался нарыв (даже по лесу мы ходили босиком). Ушли они в тот день втроем (пошел еще Генка). Я сожалел, так как знал, что в дождь тетеревята летают плохо, у них намокают перья на крыльях и их легко ловить собаками. А если они садились на деревья, то невысоко, и из пращей, рогаток, а то и просто палками, мы сбивали их с веток.

Дождь лил весь день. Не прекратился он и вечером. Ветер дул с севера, и сильно отдавало осенью. Да и вообще август в Сибири считается осенним. Ребята не возвращались домой допоздна. В темноте Петькина мать пришла к нам и, расспросив меня, ругая «Мотина», ушла домой.

Вообще-то, «Мотин» имел фамилию Рудских, звали его Сашкой, а окрестили «Мотиным», скорее всего, по отцу, слыша в этом наверное: мотало, мот, промотавшийся.

Ребята не возвратились домой и затемно. А дождь поливал, как из ведра, всю ночь. Наутро, предчувствуя неладное, кто на верхних, кто пешком, более десятка колхозников и мы, ребята, отправились на поиски. Петьку с Генкой нашли сразу – у озера Травяного в рыбацкой избушке, в пяти километрах от деревни. Мотина с ними не было.

Петька с Генкой рассказали, что они выбились из сил еще у Воробьевского рьяма. К вечеру, вымотавшись окончательно, вышли к озеру Чистому, а затем и к Травяному, на другой стороне которого стояла избушка. Особенно ослаб Генка, которого пришлось тащить за руки. Потом сдал и Петька. До избушки было меньше километра, но трава вокруг поднималась по пояс, густая и вязкая. А впереди – стена дождя. Генка с Петькой плакали, прижавшись друг к другу. Они ничего не боялись, просто у них не было больше сил.

Резкие, холодные порывы ветра налетали на прибрежный лес, который угрожающе шумел. Худенькие тела ребят давно израсходовали все тепло. Руки и лица посинели. Вяло и равнодушно смотрели они на ругавшего их Сашку. Потом он начал упрашивать их пройти хотя бы несколько шагов. Поочередно приподнимая, протащил немного вперед. Им захотелось спать. Тогда, озверев, Сашка начал бить их по щекам ладошками, со злостью тащил за волосы. В один из моментов он заплакал и сам, размазывая слезы кулаками. А может, то скатывались капли дождя по лицу. Между тем ребята почти теряли сознание.

...В избушке они немного пришли в себя. На нарах лежало сухое сено. И хотя было прохладно, но – без дождя и этого пронизывающего ветра. Около печки лежали поленья. Сашка долго старался развести огонь, ударяя какой-то железкой по железной петле двери, но слабая искра бесследно исчезала в сене. Ребят он раздел и выжал из одежды воду. Немного согрившись, они задремали.

Проснувшись на второй день к обеду, услышали храп коней и голоса... Сашки ни в избушке, ни где не было... Ясно одно: ночью один, он ушел в деревню за подмогой.

Посоветовавшись, колхозники, идя вдоль дороги, шаг за шагом осмотрели лес. Дорога огибала болото. Наверное, Сашка пошел напрямую. До самой темноты большой группой людей, прибывших из деревни, с собаками осматривали болото. Дождь смыл все следы. Так и вернулись домой ни с чем, понимая, что случилось непоправимое.

Если бы Сашка был жив, он давно бы объявился сам. Мы, ребятня, в ту ночь долго не расходились по домам.

...На следующий день, до солнца, когда еще коров не доили, бабка Поля пошла по костянику в лес. Она была такой старой, что брала ягоды сразу за огородами, в маленьком колке. Он возвышался на бугре, на виду у всей огромной деревни, а между ним и огородами метров на триста протянулась пашня. Она после дождя была грязной, и бабка, обогнув ее по тропинке, вышла к краю колка. Шла, опустив голову, и... замерла. На мягкой пахоте отчетливо виднелись глубокие следы рук. Именно рук, а не ног: тонкие пальцы глубоко врезались в черную землю. Видно, как кто-то не шёл, а полз по вязкой грязи. Присмотрелась своими старческими глазами вправо по следу, который вел в деревню, и увидела резиновый рваный сапог. Посмотрела налево – второй. На каждый налипло по пуду грязи. Сапоги небольшие, детские. И все поняла. Прошагала по следу метров пятьдесят и наткнулась в глубокой борозде на скрюченное тельце мальчика, лицом зарывшееся в пахоту. Колени поджаты, руки вытянуты вперед в сторону деревни, по локоть погруженные в грязь. Слово парнишка собирался встать, но не смог почему-то и неестественно замер.

Бабка перекрестилась, бросила бидон на землю и, размахивая руками, что-то крича и проваливаясь в пахоту, поспешила вниз, к деревне...

САНДАЗАР

(Баллада о солдате)

**Мы сидим и курим на завалинке,
разговор заходит по душам.
Собеседник:
- Все реформы правильны,
только жить не легче стало нам...
Вот опять в деревне перемены,
запрещают даже скот держать,
мол сметану, яйца и пельмени
можно всем в колхозе получать.
Чушь собачья! Нам без огорода,
без хозяйства своего – труба...
Посмотри, округа- плодородна ...
Я гляжу на гривы и луга.
Влево улица уходит в рощу,
Вправо по низине, как слюда,
на безветрии искрится россыпью
светлая озерная вода.
И деревня названа недаром-
«Приозеркой» - эка благодать!
На полусотню голубых гектаров
разлилась заманчивая гладь.
Утки, гуси- дикие с домашними,
плещутся... Крик чаек в вышине.
Вспоминает без вести пропавших
собеседник в страшной той войне.**

**- ...Под бомбежкой и артобстрелом,
не сдавая первых рубежей,
в сорок первом слепли мы, горели
в битвах тех, из тысячи смертей.
Через год я снова выжил чудом:
наши вздумали вдруг контрудар!!!
Положили триста тысяч люда!?.
Помню, как сейчас, той смерчи гарь.
Где-то возле Харькова, у речки
грохнул взрыв, упал в дыму ничком...
А очнулся - на чужом наречье
говор... Чую: бьют меня пинком.
Встал я. Кое-как переставляя
ноги, понял:
«Плен, каюк теперь...».
Слабых по дороге расстреляли!
Нас- в товарняки. Засов на дверь.
Повезли...
И суток через трое
высадили - шахты да барак
Вышки, пулеметы... На заборе
проводами из колючек ряд.
Нас спускали на день в подземелье
с кирками, лопатами в руках.
Тощие, в рвань, как привидение,**

без еды трудились мы впотьмах...

Собеседник в серых, старых
валенках,
вывернув из стеганки карман,
Говорит: «Наскресть еще б на
«маленькую»,
я признаться- не бываю пьян.»
Как из шахты или подземелья
слышу его горькие слова:
- *Выпил бы иной раз для веселья,
но болит с похмелья голова.
Да и часто руки, ноги ноют...
Был скелет я – и остался им.
И концлагерь снится мне порою-
Сандазар! - Освенцим другим.
Сандазар- то городок во Франции,
ясным днем разглядывал его
с тысячью таких же иностранцев...
Высился от нас он далеко.
Белые готические зданья,
Зелень парков, синева над ним.
А над нами, ада наказанье-
крематорий. ..трубы... черный дым.
Так прошло два года. -
сотни трупов,
крематорий, тачки, - стал седым..
Набралась у нас из пленных группа,
тех- кто верил, что мы победим.*

Верили и ждали...За неделю
перед тем, как нас освободить,
начали мы флаг Советский делать
по частям, чтоб незаметней сшить.
Было русских нас побольше сотни.
По баракам выдали заданье.
Нам звезда досталась для полотнища,
-
делали ее с большим старанием.
Из портянок вырезали клинья,
сшили, а покрасить- что найдешь?
Флаг - так тот покрыли красной
глиной...

И достал я потайной свой нож.
Резанул немного выше локтя-
брызнула багровая струя.

Кто- то пошутил: *«На все полотнище,
может хватит...».*

Тут и обмер я...

На другой день, на бронемашинах
ворвались американцы к нам.

Мы ударили охране в спину...

Рев, пальба, невообразимый гам.

Кто-то одеяло на колючку -
и через забор...

Кто – в ворота.

Ну, а мы на палку флаг надрючили-
и в шеренгу, на свои места.

Я стоял с трофейным автоматом.

Прибыл офицер из связи, наш.

Принял рапорт и сказал: *«Ребята,
сдать оружие!»*

По домам. Шабаш!!..».

Мы сидим и курим на завалинке,
длится разговор, приятный нам.

И понятно, - ведь не после

«маленькой»,

в обиходе здесь еще стакан.

Собеседник в валенках и стеганке,
откровенничает «по душам».

На вопрос: *«Как власти, что же
новенького?»*

- вновь смеется: *«Ну их всех, к
шишам!..»*

- Добавляет: *«Сторожу в бригаде...*

Вот свое подворье, огород...

Ну, и это озеро в награду.

Я- рыбак, и мне от всех- почет.

*«Сети, невод...Золотом сверкают
в моей старой
лодке караси.*

*Раздаю бесплатно рыбу, знаю
благодарность. У людей спроси...».*

Чтобы понять истоки моего поэтического творчества, помещаю эти стихи и рассказы

Здравствуй, РЕЧКА

Шёл я лесом, шёл –и полем...
Узнавал места- был рад
подышать забытым в волю!!
Вышел к речке наугад.
« Динь-динь-динь!» - звенит пичуга.
«Звень-звень-звень!» - с ветвей роса...
... Фыркнул трактор, и за плугом
зачернела полоса.
Прохожу среди деревьев

к чистой заводи речной.
Куличок в цветистых перьях
взмыл ракетой надо мной!..
На воде голубоватой
резкий всплеск- круги бегут...
Как любили мы, ребята,
приходить сюда на пруд.
«Здравствуй речка, рыба, птицы!
Всем любовь вам да совет...»
- А вода у ног струится,
шепчет: «Где был столько лет?!.»

.....

ОЗЕРО ДОЛГОЕ

Моя живительная чаша,
светлейшая!..
Мне пить и пить
глотками
зори непогашенные,
из детства
в старой лодке плыть.
... Стою в корме,
шестом толкаюсь –
босой мальчонка –
в восемь лет,
как драгоценность выбираю
в сетях рыбешку –
ярок цвет!
Карасики,
то с золотистой,
то с серебристой чешуей,
а сеть вся
в капельках искристых.
И чайки вьются надо мной...
А вечером
с берданкой старой
сидю в скрадке
и долго жду,

когда сплывутся утки в парах –
и ствол за ними я вожу!..
Я возмужал здесь,
вырос смелым
- здесь строил сказочный шатер.
И сильный духом,
крепкий телом,
шел бедам
всем наперекор!..
Теперь, устав от гула,
пыли,
спешу из города сюда,
где с детских лет
мне полюбилась
твоя
чистейшая
вода.

Озеро Долгое (самое любимое озеро моей детской военной поры)

На горизонте по чисто-голубому простору плывут медленные кучевые облака. А над озером, над моей старенькой лодкой-долбленкой, сверкает огромное Светило. Оно бьется лучами о зеркальную гладь, преломленные и отраженные ею огни полыхают в моих глазах. Тонкий,

прозрачный пар клубится у самой воды. Тишина. Я молчу, и мое молчанье – откровеннее, понятнее любого монолога, потому что слова рождаются и остаются в моем сердце. Я четко различаю их звучание:

«... Озеро, ты не просто огромная чаша с живою водой, со звенящими камышами. Или хрустальное, прозрачное зеркало с вечно шелестящей о чем-то осокой, с всплесками радужных рыб, с призывным кряканьем уток. Ты – большее!!! С мягкими дорожками по берегам, с березняком и осинником, затаенными у самой воды, – ты вобрало в себя весь огромный мир. Мир из мгновения и вечности, из радости и откровения, из доверия и любви ко всему сущему.

Во все времена года и в разное время суток ты имеешь свою единственную, неповторимую окраску: вода твоя – то синяя, то зеленая, то со свинцовой рябью, то – огненная, с полыхающей зарей. Весною, в половодье, растекаешься по зеленым лугам. Осенью, окаймленное рыжими камышами, мелеешь, покрываясь у берега ряской и тиной. Зимой изумрудно-хрустальное под снежным покрывалом – как заснувший лебедь. Твое настроение передается мне, мое – тебе. Если я весел – в любую погоду ты излучаешь мягкий, ласковый свет, если я чем-то опечален – грустишь вместе со мной. Озеро, я могу наблюдать часами, как в тебе плавают облака и синь опрокинутого неба.

По ночам ты – особенно торжественно, со звездами в глубине черных вод, с лунной серебристой дорожкой на таинственной глади. Озеро, я могу наблюдать часами, как в тебе плавают облака и синь опрокинутого неба.

И все-таки озеро, ты – не просто уголок земли. Ты – мое трудное военное детство. С тобой я вырос, возмужал! Ты научило меня видеть прекрасное, научило думать, понимать жизнь. Озеро, ты моя судьба, от начала до конца дней моих. Тебя я вспоминал и в Москве, и в Ленинграде, и в курортных городах, в скорых поездах. И особенно – когда мне бывало трудно: под операционным ножом или бессонной ночью в темной квартире, раненному чьей-то обидой.

Озеро, ты мое сокровище, моя маленькая Родина!».

- Гори охотничий костер!
К тебе я снова возвращаюсь,
где вольность духа,
где простор,
где на губах пахучий щавель!..

ВЕСЕННИЕ ПАЛЫ

Чибис в небе,
как стреножен,
низко кувыркается
и кричит вблизи
тревожно,
так,
что мне икается!
Луговина заливная
окаймила старицу,
гоголей свистящих стая
с шумом вниз спускается!..
Тянет с паром от земли
запах листьев прелых.
Облака,
как корабли,
в гавани апреля!
Жаворонок изнемог
в песне нескончаемой,
и кузнечика смычок
пиликает отчаянно!..
Зеленеет куст талов
в крошечных листочках...
Вижу дальний дым палов
- лес горит?..
Ну, точно!
Надо ж, выдумать палы
вдоль лесных окраин!..
Да, для глупой головы
нет разумных правил!

Шмакову Геннадию.

ОХОТНИЧЬЯ ЗАРЯ

В полнеба разлилась заря,

и лес звенит от пробужденья!
Я сам- спрессованный заряд!..
Я - тетерев в любовном пенье!
В кустах еще дымят снега,
а с края солнечной поляны
блестит подснежников гряда
и ароматом нежным манит!
Ковер игольчатый

травы

зазеленел в лучах апреля,
а почки ждут своей поры –
в тепло не очень веря!
И жаворонок в небесах
звенит,

звенит влюблёно,

малиновка поет в кустах
над речкой ослепленной!
И как здесь свежестью такой
не надышаться,

не напиться!?

И с посветлевшей головой
в берёзку не влюбиться?!

«Чув-ши!..» -

кричат тетерева,
и в парах бьются на поляне...
Пляши!..

Свисти!..

Рождай слова!..

-Пусть выстрел твой
не грянет.

Распорки

Один из них был рыбак, другой – охотник. И потому им всегда было трудно найти водоем сразу на двоих. Вот и на этот раз они остановились и разбили палатку у чистого круглого озера, где была рыба, но не было уток. Михаилу-охотнику (он же шофер машины) пришлось в три часа ночи вставать, заводить газик и ехать через лес, примерно за километр, на озеро, заросшее камышом и редилиями, со множеством островков.

...Кончался октябрь. Безоблачное небо светилось звездами, однако заря долго не загоралась. Но постепенно воздух стал прохладнее. Кое-где в камышах закричали утки. На воде все отчетливее проступали чучела, медленно сплывающие и расплывающиеся в стороны.

Михаил томился в сладком ожидании. Ружье приятно холодило ладони, подсадная утка всякий раз неожиданно всплескивала воду и отзывалась на утиные крики в камыше. Сзади, где-то близко, прокричал селезень: «Швак! Швак!». Подсадная тотчас ответила. Было слышно, как селезень с шумом поднялся и, рассекая воздух тугими крыльями, полетел в ее сторону. Михаил, повернув голову назад и скосив глаза, спокойно проследил за птицей. Когда селезень пролетел над головой, охотник, приподнявшись, выстрелил в упор. Было еще темновато, выстрел прозвучал неуверенно. Селезень, упав в камыши, начал бить крыльями.

Не имея привычки выплывать за подранком, но ясно представляя в своих руках красавца-крякаша в его уже весеннем оперении, Михаил все же развязал камышинки над лодкой и толкнул ее веслами. Подплыл. Селезень был уже мертв. Досадую, что выехал зря, Михаил резко наклонился вперед, доставая птицу рукой.

То ли он оперся на переднюю распорку лодки-раскладушки, то ли его движения вызвали большую нагрузку, как вдруг распорка переломилась и нос лодки сложился. В сущности, это была не распорка, а урезанная тычка. Напарник забыл распорки дома, Михаил отдал ему свои, чтобы у того сети не цеплялись за шероховатости палки. А тычка вот оказалась хотя и крепкой на вид, но гнилой. Вода с угрожающим шипеньем ринулась к ногам охотника. Приподнимая нос лодки, Михаил быстро отклонился назад, но тут вторая распорка, настоящая, также предательски треснула, и лодка, сложившись в конверт, пошла на дно.

Уже стоя по горло в воде, не шевелясь, охотник чувствовал, что суденышко продолжает проваливаться в ил, и мучительно, лихорадочно думал: «Что делать? Как быть?» Высокий, жилистый, сильный – он никогда еще не попадал в подобные опасные ситуации.

Ах, да, вспомнил, что давно договаривался с напарником: в случае беды – пять выстрелов подряд. Нашупал под ногой ружье и, нагнувшись, нырнул под воду, достал. От движения лодка провалилась еще ниже, и надо было уже задрать вверх подбородок, чтобы вода не попадала в рот. Одной рукой приподнял ружье над головой, вылил воду из ствола, снял предохранитель. Резко прогремели пять выстрелов, опустошая обойму браунинга. Ненужное теперь ружье он привязал за подводок к плавающему чучелу и опустил рядом с лодкой. Стал ждать.

Легкий ветерок с той стороны наверняка приглушил выстрелы. Да и напарник уже в годах, глуховат. Ясно, что сигнала он не слышал. А иначе последовал бы ответный выстрел.

«Спаستись! Спаستись!» – стучало в голове. За минуты пролетевшие с того момента, как он выплыл из скрадка, полностью рассвело. На камышинках перед лицом, там, где они касались воды, поблескивали капли-льдинки. Вода казалась свинцово-тяжелой. Но странно, Михаил пока не ощущал ее грозного холода – наверное. Мешало чувство смертельной тревоги. «Спаستись! Спастись!» – сверлила его мозг одна только мысль. Первоначальный порыв – плыть к берегу – он сразу выгнал из головы. Пятьсот-шестьсот метров по леденистой воде, через островки камыша и редилий со льдом не проплыть! Судорога неминуема.

«Жить! Жить!.. Спаستись! Спастись!» – его зациклило на этом ставшем единственным и неотвязным заклинанием. Как глупо, как нелепо – умереть в этой чистой светлой воде.

«Что делать!» – лихорадочный вопрос жег голову... Распорки, сломанные распорки... Чем заменить? Ага, деревянные весла! Как не додумался сразу. Нож – где. В кармане? Да – нашупал, вытащил... Как лучше? Два весла, две распорки? Нет, это долго. Уже чувствительно деревенеет тело. Обрезать одно весло под распорку и вставить по центру лодки, под крепежные металлические планки. Правильно, а вторым веслом надо будет грести... Быстрее! Быстрее!.. распорка готова. Он вытолкнул ногой из лодки ящик с патронами, бросил на него ружье, туда же – ногу из лодки. Ящик уходит в ил. Второе весло опускается на него. Кажется, можно вставать. Встал – так низко, что нужно запрокинуть голову. Осторожно приподнял ногой лодку, с трудом вставил распорку, она намного шире посудыны, но это и лучше.

Итак, лодка поднята, теперь из нее нужно вылить воду. И поставить снова, не зачерпнув бортом. И оказалось, что это не выполнимо. Вытянутых рук не хватает, чтобы в воздухе перевернуть

лодку, и она, прихватив бортом воду, снова утопает.

И все-то ее пустяковый, каких-то шестнадцать килограммов, но при малейшем усилии ноги проваливаются вместе с опорой в ил так, что голова целиком погружается в воду. Остается одно. С силой толкать один край лодки, придерживая другой, чтобы она, поднявшись, перевернулась. Толчок... Второй... Слабо. Лодка снова падает вверх дном. Еще и еще. Опора ушла так низко, что для вдоха нужно всплывать.

Несколько раз второпях заглотил воды. В голове появилась боль, шумит и потрескивает в висках... Нет, все! Бесполезно!.. наступает вялость и безразличие. Покалывая иглами, все глубже в тело проникает холод. На цыпочках, держась за лодку, с запрокинутым лицом, Михаил стоит несколько долгих минут. А небо чистое-чистое. Синее-синее. Холодное и враждебное. Наверное, взошло солнце, а воздух – как лед. Из рта идет пар и растворяется вверху. В глазах начинает кружиться небо и что-то тяжелое тянет вниз.

«Конец... Конец... Конец...» – зазвенело где-то внутри. Или Михаил отдохнул, или в порыве отчаянья сделал неимоверное усилие: левой рукой толкнул лодку вверх, правой – по ходу, изо всех сил, опережая левую – дернул другой конец. Лодка, зачерпывая немного воду, встает на ребро, медлит и нехотя шлепается на днище. Слышится, как плещет в ней вода, постепенно затихая.

И здесь, громко, торжествующе забилося сердце. Уже почти замерзшее тело ожило. Надо теперь залезть в лодку. Как? Вот метрах в пяти камыш погуще. Весло из-под ног в лодку. Энергичные движения ногами. Посудина передвинулась. Веслом нагнул камыш с обратной стороны, набрал в замерзшие пальцы, прижал к борту. Камыш, словно карась, выскальзывает из ладоней, но все ту же натягиваются его струны, все плотнее прижимается Михаил грудью к борту. Из всех сил работал одеревеневшими непослушными ногами, всплывает, тянет себя на борт, используя камыш как лебедку.

Елозит грудью, дергает себя и чувствует, как через острый край борта, вперед, продвинулось одно ребро. Немного наваливаясь то влево, то вправо, бултыхая ногами, продвигается еще на одно. Потом еще и еще. И наконец, пересчитав все ребра, переваливается в лодку. Полежал. Осторожно развернулся, сел. Выплескал ладонью воду. Взял обледеневшее весло. Весло в руках не держится, выпадает. Разворачивается профилем, не гребет. Через голову к чучелам спикировала со свистом стайка хохлатых чернедей, но, увидев лодку, круто взмыла вверх. Провожая их взглядом, Михаил вдруг увидел над камышом большой красивый, огненный круг взошедшего солнца. К нему от воды медленно плыл морозный пар. Стиснув зубы, наконец начал яростно грести, и лодка зигзагами пошла к берегу. Плохо соображая, не помня как, он доплыл до берега, добрался до машины, взял из-под колеса ключ зажигания, вставил в щель, но никак не мог повернуть его несгибающимися пальцами. Пришлось сделать это двумя ладонями. Залез в машину.

Завел мотор. Проехав сквозь лес, остановился у палатки, не выключая двигатель нашел паяльную лампу, разжег и залез в палатку. Через несколько минут от жары стало ломить уши, но руки и ноги не ощущались. Тогда он направил огонь на ноги. Обгорели волосы, кое-где вздулись пузырьки, но тепла кожа не чуяла.

Тем временем, увидев машину, на берег выплыл напарник. Заглянул в палатку и понял все. Налил из термоса в кружку чай и подал товарищу. Михаил взял, понес ко рту, однако руки так дрожали, что в кружке ничего не осталось. Налили снова, то же самое. Тогда начал пить из горлышка термоса. Зубы стучали о медь, чай растекался по синим опухшим губам.

Напарник долго растирал посиневшее тело охотника, накрывал тулупом и всей одеждой, что была на двоих. Дрожь высоко подбрасывала тело Михаила, он вылезал из-под тулупа и снова грел себя паяльной лампой. Так повторялось много раз.

К вечеру дрожь унялась. Михаил несколько раз пил чай, стал нормально двигаться, пальцы на руках и ногах сгибались, хотя в них еще не было никакой силы. Все же вместе с напарником поехали на озеро. Изготовили багор и легко подняли со дна все вещи. Вода была светлой, ящик с патронами, ружье и все остальное отчетливо виднелись, выступая из ила. Куртка и шапка плавали между чучелами. Воздух, нагретый за день, потеплел. Вместо льдинок на камыше сверкали крупные капли. Подсадная утка за камышом, охрипшая за день от крика, воткнув голову под крыло, спокойно дремала. Когда подошла лодка, она сама запрыгнула в нее, недовольно поглядывая на хозяина. И только теперь Михаил вспомнил об убитом крякаше. Тем же следом, по редкому камышу, он подплыл и поднял с воды красавца-селезня. Глаза у того были открыты и отдавали каким-то живым, насмешливым блеском, хотя весь он окаменел, вытянув шею и лапы. От неожиданного сравнения с собой, Михаил вздрогнул. И какой-то неведомый, даже в те ужасные минуты, страх проник в него. Михаила передернуло, он спрятал под мокрую телогрейку селезня и торопливо, наклонив голову, стал грести к берегу.

ВПЕРВЫЕ СОРЕВНУЮСЬ Я НА СТЕНДЕ

«... Ни звука в мире- только сердца стук

Да пенье тетивы

в предчувствии смертельном,

и поднимается зловеще лук

охотника Вильгельма Телля.

А сын спокоен, яблоко блестит

в кудряшках головы по-детски гордой...

Нет, никогда не будет он убит

стрелой, звенящей над тропинкой горной...»

- Прекрасная легенда!..

... Вот я бью

летающие мишени на осколки,

их скорость адскую с трудом ловлю

зарядами охотничьей двустволки!

В висках пульсирует мощнейший стук-

опережая выстрел на мгновенье,

бьёт сердце каплей крови в чёрный круг!

- И лишь затем в ружье воспламенение.

И вот мишень не бьётся в первый раз-

ускальзывает целенькою шельма.

Но, как охотник, верю: в трудный час

я заменю Вильгельма Телля.

Другую жду мишень,

она стремглав

летит от козырька кирпичной будки.

Вновь мушкой , вместе с выстрелом, поймав,

я разбиваю...

Телля не забуду...

Двенадцатая часть. СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

Часть 12/1. ПАМЯТЬ ДЕТСТВА

Площадь райцентра...Ухабины, грязь -

дождливый июнь сорок первого.

У военкома подтеки у глаз...

Тик на щеке!... Голос нервный...

А репродуктор гремит со столба -

разносятся грозные сводки.

Играет гармошка... Хмельная толпа...

Отец на передней подводе.

Вот тронулся длинный печальный обоз

а с ним вся толпа по поселку...

Пять лет мне. Околица светлых берез...

Мать плачет... Не дам всему толку.

Июнь, 1978г.

Щебет птичий приветлив
в открытом окне.
Фонари незаметно
исчезают во мгле.
Утро- двадцать второго...
Цветущий мир!
Только снова так строго
речь несётся в эфир!
Горьким чувством наполнен
от трагических слов...
Обожгла память- вспомнил
ужас дальних годов.
Июнь- двадцать второго,
сорок первый год!
Утро смешано с кровью,
дым встаёт до высот.
Крики страха и боли-
кружится воронье!..
-Ах, доколе, доколе
будешь жечь забытьё?!
... Гомон птичьего лета
в открытом окне-
память тридцатилетняя
с сердцем наедине

июнь 1970 год

В залатанной гимнастёрке

Машины к перекрёстку сгрудились:
-«Кого ещё там, чёрт несёт?!»-
из дверцы вывалившись грудью,
чтоб показаться свету, людям,
весёлый паренёк орёт!..

И сразу - стих, как пригвождённый,
и краска хлынула к щекам:
по мостовой- непобеждённый
ползёт солдат!..

Где быть ногам-
лишь надколенники в заплатах,
дощечка с роликом одним,
в руках костяшки, как гранаты...
...Я тоже замер перед ним?!
«Откуда он?» - смертельно раненый,
разрубленный напополам,
ползёт не где-то полем бранным,
а площадью- навстречу к нам?!
Измученный, давно не бритый
- цвет гимнастёрки полинял!..
И взгляд- мучительно прикрытый,
в зубах окурков, как запал!!
... Да, говорят, дома особые
есть ветеранам в тишине,
где лаской и теплом ухоженные
- забыть смогли бы о войне.

А мне бы - в кресла их, на площади,
в круг близких лиц, среди цветов-
чтоб без прикрас,
что хуже пошлости.
поведали б нам быль отцов!

Вглядись!?-
Грустит у поворота

берёзы старой, в полдень, тень...
Я вспомнил детство, дом, заботы...
В ограде ивовый плетень...
Ещё в войну выросла берёза...
В дом похоронку принесли...
Сбежал к берёзе...

 Лились слёзы...
полдня стоял в её тени.

И плачет, сгорбившись старушка,

рассыпавшая в грязь крупу...
В руке костлявой пляшет кружка-
я замираю на бегу!..
Шла от соседей, поскользнулась
(часы с кукушкой отнесла)-
и вот взамен ни с чем вернулась.
Полкружки грязи наскребла...
И долго плачет...

 В грязной кружке.
тоскливый плавится закат,
а на лице моём веснушки,
как от стыда горят, горят...
На утро в солнечном рассвете
мы- пацаны, брели в полях.
и на жнивье уже прогретом,
искали зёрна в колосках.
А в полдень,
возвратившись с братом,
старушке зёрна отнесли-
она заплакала обратно:
«Ах, что вы-
 Боже вас спаси?!.»

Воспоминания о военном детстве

А всё живу как в детстве бедном-
кусочек каждый берегу,

не веря лозунгам победным
ни в этом, ни в другом году.
Я не корю родные дали
за чахлый, нищий урожай.
Злят рапорты, хвальба, медали
и рты кричащие: «Сверх дай!»
Истощена земля, как камень-
и где богатый урожай
который ждали мы веками?...
И кто привёл нас в чёрный рай?
Я презираю всех брюхатых
в банкетных залах за столом
с их болтовнёй о демократии:
«Зачем и с кем, куда идем!?»
Куда идём? -
дошли, довольно
и хватит на похмелье пить.
Нет мыла, сахара...
И больно
о будущем мне говорить.
Я, помню, жил в войну надеждой:
вот подрасту и буду сам
работать, покупать одежду-
и мёд польётся по усам.
Но бедность бедностью осталась,
хотя работаю как вол,
и деньги есть на книжке малость.
Есть дача. Сыт. Хожу не гол...

Но вновь виновным за обедом
кусочек каждый берегу,
в глазах опять война-
и бедность...
-Во век забыть то не смогу!..

В больнице

Льдистый снег за
окном моросит

и стучит в
подоконник
палаты...

- Выплыли за
окном этажи,

и сестра
рядом в
белом
халате...

За домами
белеет
Иртыш,

а над ним
облака низко
стелятся...

У окна ты
стоишь и
глядишь,

вспоминая о
чём-то
растерянно...

В коридоре
лекарственны
й чад

с тошнотой,

и
слышатся
стоны

из палаты, где
двое ребят-

эти ужасы
вроде
знакомы.

-Ах, когда это
было, когда?!.

Да, в деревне,
в военные
годы:

индевели
вверху
провода

и валил
наповалку
всех голод.

А больница
пуста,
холодна-

аж мурашки
вонзаются в
тело!..

И жестокое
слово
«Война»

за окном в
зимнем небе
свистело.

Что ни день-
похоронки
несли,

в ставни били
свирепые
ветры...

- Столько
вынести лиха
смогли-

что не хочется
думать о
смерти.

Телеграфные столбы

И вновь в ночи горит моя звезда...

Над тёмными осенними полями

поют тоскуя, плачут провода,

обнявшись с телеграфными столбами.

Столбы я помню с первых дней войны

в своей деревне

вдоль большой дороги...

Подводы шли на фронт,

людей полны-

назад не возвратились после многие...

Не потому ли небосвод горит

опять над телеграфными столбами,

и стонут провода-

то в них звенит

отцовский голос из посмертной дали...

Октябрь...

В ночи зажглась моя звезда...

Над тёмными осенними полями

опять поют, тоскуя, провода,
обнявшись с телеграфными столбами.

Стол
бы
вкоп
али в
перв
ый

день войны

в моей деревне, вдоль большой дороги.

... Подводы шли на фронт, людей полны...

Назад не возвратились, позже, многие...

Всё детство с теми связано столбами...

И с похоронкой – из враждебной дали.

Вот почему с тех пор моя звезда

горит в полях, и светит - в те года!.

Часть 12/2. Россия, вернись ко мне снова

Родной край

Я спрашиваю у себя:

"За что люблю поэзию,
за что, так многое терпя,
в нее, как в дебри,
лезу я?.."

Вновь за ответом прихожу
в край, что всего дороже,
в край детства,
где во снах брожу
без тропок,
без дорожек.

Тот край я знаю наизусть,
ему мечтой обязан,
он для меня и дом,
и Русь!

Я с ним навеки связан.

Был горек он от вдовьих слез
в дверях военкоматов,
а я в лесу волчонком рос -
мать в том не виновата.

Я драл подошвы по лесам,
в озерах умывался,
как сказке,
веря чудесам,
с которыми встречался.

Лес вел мне точный календарь,

луга цветы дарили,

мне песни пел свои глухарь,

сверчки во тьме светили.

Там в первый раз подслушал я

шептанье трав и листьев

и подсмотрел,

как у ручья

мышата зубы чистят.

А как завидовал птенцам,

поднявшимся на крылья!..

- Да, в том краю,

конечно там,

свой первый стих открыл я.

Я помню...

Я помню войну-

а мне было шесть лет:
весной, деревенской дорогой,
израненный с фронта вернулся сосед-
лицо все в рубцах и ожогах.
Без глаза (с повязкой), хмельной чуть,
небрит,

в шинели потертой, суровой,
пел нам под гармошку слепой инвалид-
«Россия, вернись ко мне снова...».

Я в школу пошел...

Не по-детски взрослел...

Мне –девять...Познал горечь, беды.

И вдруг- «похоронка». Отец не успел
дожить всего год до Победы.

Мать плачет, обнявши троих нас, сирот.

Пес воет надрывно, протяжно...

В ограде мгновенно собрался народ,
сует кто-то хлеб - теплый, влажный.

Сгущается тьма...

Ночь настанет вот- вот...
И тут под гармошку, в полслова,
запел инвалид у соседних ворот-
«Россия, вернись ко мне снова...».
...Ах, жизнь моя тяжкая!

Столько стерпел
пока не закончил я школу.
Да, много работал и мало так ел,
почти не бывая веселым.
Любил на озерах встречать я рассвет,
а вечером песней знакомой
лечил мою душу подпитый сосед-
«Россия, вернись ко мне снова...».
То горькое детство со мной навсегда,
я вырос, и в жизни жестокой
терял я Россию не раз-
и тогда
той песни мне слышались строки.
Была «перестройка», Афган и Чечня...
Мне нищенкой снилась Россия,
и в снах задыхаясь от дыма, огня-
душа моя к Богу просилась.
В спецовке армейской «афганец», в очках-
незрячий, коверкая слово,
на площади пел под гитару в ночах-
«Россия, вернись ко мне снова...».
Я многое в жизни свершил и постиг:
есть дом и жена, сын и дочка.
И счастлив я с ними, светлеет мой лик.
И рано еще ставить точку.
Но улица – та же, и сердце- болит,
ведь жизнь, как и прежде, сурова...
В груди моей струйкою крови звенит-
«Россия, вернись ко мне снова...».

Своей дочери
Своё припоминаю детство
Угомонила, наконец-то,
спит, сладко руки разметав...
Своё припоминаю детство
среди высоких летних трав.
Я- шантрапа и голодранец,
застенчивый, голодный, злой,
вставал с зарёю очень рано
с недетской, грустной головой.
И убегал в леса, к озёрам-
искал грибы, зорил грачей.
В колосьях прошлогодних, зёрна
как золото, носил с полей.
Саранки, щавель, лебеда...
и дикий лук и троелистка,
запомнились мне в те года,
что ныне светят в обелисках!
И горько, горько вспоминать:

война окончена- ПОБЕДА!..

Мать плачет- некого встречать...
Мы плачем- нечего обедать...

Вечный огонь

Мерца в свете фонарей,
над памятником Революции
снег осыпается колючий-
и вечер кажется светлей!
Рукою ты снежинки тронь-
они растают, разольются.
И, словно звёздочки, прольются
в негаснущий огонь!!
Полвека, как развеян прах
боёв в Марьяновских полях...
Людей тех нет,
но слышу пульс
в груди у города-
пульс сердца
героев тех?!
Святейший дух!..
смотри- горит он, не потух,
чтоб мог душой ты обогреться!!

У неизвестной могилы

Погибают-то чаще не трусы...
С благородною, сильной душой
гибнут парни, как воины русские,
не вернувшись однажды домой.
В падах, сопках, во льдах океана-
обелисков гранёный шпиль!..
... Лягут рельсы дорог, гордо встанут
города возле этих могил!..
Жаль, что гибнут- то чаще герои.
Трус, как червь, от беды ускользнёт...
ни в огне не сгорит...
ни утонет...
Только воин в бессмертье войдёт!

Победитель забега ветеранов

Он по кругу бежит –
и гудит стадион!..
Он возносит усталые руки
к солнцу,
к людям –
счастливейший он,
перенесший сомненья и муки.

Он так долго бежал-
от жарищи шалел,
задыхался от пота и ветра,
то боялся упасть,
то воспрянув, смелел,
на последних
крутых километрах...
– Ему семьдесят два –
он сильнейший атлет,
выигравший забег ветеранов...
В первый раз здесь бежал
в шестьдесят еще лет,
– трижды был победителем ранее.
Здесь, на трассе вдоль сопок,
в жестоких боях
полегли молодые ровесники,
хоронили их здесь
в тех далеких годах,
и глаза плащ-палаткой завесили!..
А сегодня –
в цветении буйном весна
и пробег посвящен славной памяти.

– Не пугают года,
не страшит седина
если сердце с отвагою пламенной!

Плеск воды над
колодиной,
горький привкус осин
мне напомнили Родину

в пору тяжких годин.
Сорок пятый,
голодный, –
я в весеннем лесу...
Как дары от природы,
сноп медунок несусу...

Геройство и трусость

Знай: трусы никогда не тонут,
в пожаре тоже не горят.
Им безразличны чьи-то стоны,
они по ямам прячут зад.
Я знал: в войну один плюгавый,
спасавший шкуру дезертир,
прожил пять лет в гнилом подвале,
потом ослеп, увидев мир...
Все трусы-мелкие букашки,
все лезут в трещины свои.
У них девиз: «Своя рубашка...»
- а там хоть целый свет сгори!
... Опять читаю я в газете:
Погиб...спасая, как герой...»
И чей-то взгляд уже не светит,
накрыт могильною плитой.
Иду зелёною аллеей,
синее майски синета!
Среди цветов вверху алеет
мемориальная звезда.

В пригороде Омска

Вот самолёт пошёл по
кругу –
вслед лентой белая
петля
легла, стянула небо
туго...

И гулом полнится
земля!

... Полёт учебный.
Боевые

машины-«МИГи» рвутся в
синь!..

Внизу в садах – цветы
живые,

Вдоль взлётной
полосы – полынь.

В Пушкино

Неизлечим еще от рака мир,
еще пылают гнусных войн пожары,
и человек, напрягши связки жил,
к себе испытывает снова жалость.

О будущем я вновь мечтать хочу!

Пусть ненадолго-

я опять в лицее,

и Царское Село зажгло свечу,
в вечернем свете выглядя мудрее.

Я прохожу аллеями к пруду:

скульптуры гипсом, мрамором белея,
год восемьсот двенадцатый воспели.

Здесь Честь и Слава многих на виду!

Но ты, вольнолюбивый, неподкупный,

затмил собой всю царственную знать,

воспев наш Русский Дух!

Да, в век свой смутный

так о свободе мог лишь ты писать.

Полтава. Медный всадник...

Облик милый

Татьяны, яркий образ Пугача...

О, сколько придает нам страсти, силы

твое искусство, сердце горяча!

Слежу: закат в воде багрово рдеет...

В каком-нибудь двухтысячном году

другого также снова обогреет
твой голос в вечеряющем пруду.

Чудно так!?

Роща за ночь напрочь облетела:

ветер шквальный сыпал дождь и град...

А сегодня снова потеплело,

вдоль опушки «тишь да благодать».

На усыпанной листвою поляне

терпкий запах - красочно, светло!.

С веток паутина нити тянет-

сказочное в блёстках полотна!..

Даль жнивьём пустынно золотится,

и сверкает синевой простор.

Чудно так!?

И лишь душа смирится

не желает:

осень- ведь разор!?

В день Победы

Иду я по улице
майской.

подхвачен
людскою
волной,

встречным
шепчу:
«Улыбайтесь,

гордитесь
Отчизной
родной!

Не бойтесь
морщин,
улыбайтесь,

забыв о
солидности,
смейтесь!..

И души свои
раскрывайте,

дружеских
чувств не
жалейте.

Мир ветром
весеннем
распахнут,

жизнь тянется
к свету,
добру!

Подснежники
м первым
пропахли

поцелуи твои
поутру.

Близки и по-
новому
поняты

взгляды
отцовские,
влажные-

в них
гордость,

что первыми
подняли

в космос
сынов
отважных!

Полотнища
реют над
нами,

багряностью
нас озарив-

они
воскрешают в
памяти,

тех, кто
навечно жив!

Мельничное озеро

В блюдце озера,
серебряное-

пала ранняя
звезда.

Одинокая,
сиреневая

осветила мне
года.

Осветила горечь
давнею,

невесёлый блеск
озёр,

где и до сих пор я
плаваю-

голодраный
фантазёр!..

Здесь в войну
шумела
мельница,

-рядом
примитивный ток.

Молотили хлеб...

Не верится

как народ-

то делать
смог!..

И ладонью
растираю я

поседевшие
виски,

по крупице
собираю

даты...

вёсны...
колоски...

Колоски- ценою в
золото,

в талом поле, у
межи...

Выплыл месяц.
Стало холодно.

Тишь вокруг...

... И -ни
души.

Сруб

Ещё конь не валялся,

ещё сумрак, роса...

За топор сосед взялся

и полез в небеса
Там, на срубе высоком,
мастерил он конёк,
а вдали ,на востоке
возгорал огонёк!..
Разрастаясь всё выше,
предвещал ясный день...
... Но уже взрывы слышались-
в небе «юнкеров» тень.
Засвистела над миром
смерть, взорвав тишину,
донеся до Сибири
в репродуктор войну!..
И ушёл он под пули,
и остался тот сруб
в расцветавшем июле,
словно высохший труп?!
... Сруб стоял очень долго:
верно, года так два...
А потом зимой подлой
сломан был на дрова.

В деревенской школе

Случай этот был в пятидесятом:
я- девятиклассник, вдруг спросил
на истории-«мне непонятно,
голову отец за что сложил?!
Ведь луга стоят ещё не кошены,
ну а мы бурёнушке своей

косим по болоту?!» - огорошенный,
мямлил мне учитель: «Им - видней...»
А потом позвал меня к директору
и краснел, потел я в свой черёд.
... Столько лет прошло?..
Теперь сам в лекторах,
с грустью вспоминаю давний год.
Стыдно за себя и за директора,
за учителя- за горький счёт.
В первый раз услышал:
«частным сектором»-
назывался дом наш, огород.
Мне тогда напомнили, меж прочим,
о родстве- что внук я кулака,...
комсомольца звание порочу
и не понимаю жизнь пока!..
А отец погиб на поле боя,
на чужбине с верою святой,
за страну, за огород с избою...
- Сколько зим?!.
Но снова с прежней болью
вспоминаю класс девятый свой!

В сорок четвёртом

Приснилось: провалился в яму я...
В поту очнулся... было непонятно.
Стояла тишь... я видел только маму...
и даже слышал горькие проклятья.
Зарилось в окнах...

Золотая прядь её волос
свисала на колени...
О, что юнец,
я мог предугадать,
лишь слушая своё сердцебиенье?
Рыданья сотрясали тяжко мать
и слёзы по лицу её стекали.
Окно бледнело- мог я различать
как брат с сестрою
на полатах спали...
Под одеялом, крохотный, дрожа,
я прятался-
в душе рождалась жалость.
И светлая, горячая слеза
невыплаканной навсегда осталась!
Сорок четвёртый год?!-
цвела сирень,
заря рожала солнце золотое.
- Погиб отец,
а я встречал тот день
ещё не зная,
чьей он жизни стоит?!

На общественный позор

Троллейбус переполнен, словно улей,
ворочается, тяжело вздыхает...
На остановках пассажиры пулями,
теряя пуговицы, вылетают.
Прижат к двери

у рамки с фотографиями,
под ними подпись:
«Зайцы, нас порочащие..»-
опущенные головы проштрафившихся:
студент,
рабочий
и уборщица...
Смотрю в упор, не отрывая взгляда,
ведь я, не только «Я»,
а я- судья!...
Смотрю: в студенте и его наряде-
не юность ли, притихшая, моя?.
И ощущаю: в полушубке рваном,
дрожащую рукой,
чтоб взять билет,
я шарю- шарю по пустым карманам,
хоть знаю-
в них копейки нет на хлеб!..
И мать моя, уборщица- как эта,
с лицом таким же,
полным тихой скорби,
одна, троих, растившая нас с детства-
вот так же
голову и плечи горбит...
Случайность? -
что же, может и случайность.
Стою, обиду пряча в знойных веках-
и наполняет злоба и отчаянье

она напоминает мать.

- Ведро и тряпка.

Без лентяйки,

она до глянца трёт полы,

и я догадываюсь тайно:

какой тоской глаза полны?

... Я вспоминаю сорок третий

и деревенской школы класс,

где мать порою предрассветной

смывала въедливую грязь.

А по ночам, над похоронкой,

слезу размазав по лицу,

от нас шептала потихоньку

молитвы поздние отцу....

Труда простого не унижу,

не стану попусту роптать...

-Перед лицом суровой жизни

я снова вспоминаю мать!!

Спустя шестьдесят лет

Я к земле припаду- и услышу
всю несладость, немилость пути...
и душа моя грустью задышит,
и не просто печаль отвести.
От морщин очень ранних, усталых-
встрепенусь в наплывающей мгле,
и пройду к озерку, как бывало,
по остывшей, но милой земле.
Озерко тихо светит в тумане-
здесь в войну был огромнейший ток...
молотьбы гул звенел на поляне...
шёл тогда мне десятый годок!

Река жизни

Я согласен, что время- река,
щёки жаркие ветры остудят,
и волна голубая слегка
гладь спокойную рябью разбудит.
Если даже обманет река
и изменит старинное русло,
всё равно сохраню на века
к водам вешним то первое чувство!
Загляну вновь к весне в зеркала,
отыщу в струйном лепете свечи.
Вновь весеннюю нежность тепла
подарю я любимой при встрече.

На уроке истории

Школа- развалюха посреди деревни

утопает в зелени старых тополей.

За окошком- дождик...

Окна в классе меркнут,

и на досках классных

тени всё черней.

С лампой керосиновой

класс наш полутёмный-

о путях истории директор говорит:

и перед глазами моряки с Потёмкина,

и с Дворцовой площади

Керенский бежит.

... Наш учитель строгий,

но и откровенный,

про войну с Германией особо говорит:

знает наше горе, думы сокровенные-

мой отец, как многие,
на войне убит.
И в конце занятия, обобщая тему,
Говорит, что Родина-
это мы, наш класс....
И решать нам в будущем
каждую проблему...
И скажите, честно,
что волнует Вас.
Я ему не детские задаю вопросы:
почему налоги большие на коров,
как держать овецек...
почему не просто
сено заготовить?...
Как жить без отцов?!
Он, слегка растерянный,
отвечает резко:
временные трудности, надо пережить...
... Так урок окончен-
и потом в отместку
мне на бал отметку
он решил соскочить.
Дело не в оценке.
Бал- кому он нужен?!
Если за окошком столько бед прошло,
и в деревне нашей горе также кружит,
и в подворьях многих всё голым- голо?!
- В город сбёг учитель...

Знаю достоверно:
он давно профессор, доктор педнаук...
При его мне имени-
неуютно, скверно...
Вижу- сети липкие ставит злой паук.
А ДУША БОЛИТ, БОЛИТ...
В небе оклик лебединый,
солнце молодо горит
и плывут , сверкая, льдины...
А душа болит, болит!
Что ей надо?
-Не скрываю:
труден нынче сына путь,
потому ему стараюсь
я помочь хоть чем-нибудь.
Есть достаток в доме вроде-
у жены довольный вид...
Дочь одета не по моде?..
И опять душа болит.
В беспокойном сложном мире
снова, где-то вдалеке,
боль звучит в ночном эфире
на чужом мне языке.
За морями, за горами,
вздрагнув, дыбится земля
и лавиной погребает-
будь-то это гибну я...

Даже в полночь нет отрады:
различаю я сквозь сон.
за соседнюю оградой
чей-то плач, и чей-то стон.
Верю другу, верю встречным,
верю всем кто говорит
о счастливой доле вечной-
а душа болит, болит...
Не прикроешься забором
от сомнений и обид,
не позвонишь «03- Скорой»
если совесть заболит.
Не простит душа живая
ни забора, ни брони,
если друга забывая,
мы останемся одни.
... Вот и схлынул день в работе
и закат в окне горит...
Отдохнуть бы беззаботно,
но – душа болит, болит!

В день окончания войны

В траве высокой и густой
поёт пчела о тёплом лете...
Плывёт малиновый настой
в сиреневом рассвете.
- О чём же плачешь птичка, ты?..

Гнезда я не затрону,
птенцам желаю подрасти-
взлететь в простор зелёный.
Я сам, как маленький птенец,
- голодный, босоногий...
И с фронта не придёт отец,
не стукнет у порога...
Листва над самой головой
лепечет...
Плачет птичка...
Я, конопатый и смешной
вхожу в лес земляничный!

Жмых и лебедя

Мы жили
бедно:

чтобы
пообедать

мать жмых
толкла, варила
лебеду...

А за забором
плотным у
соседей

и хлеб, и масло
были на виду.

Там у соседей
пахло щами с
мясом-

и мы глотали
запахи подчас...

Чего-то ждали
долго и
напрасно...

Судьба в те дни
обманывала нас.

По карточкам-
(отец погиб на
фронте),

нам обещали
шпроты,
мармелад-

но заграничные
посылки
скромные

так редки для
сиротливых
ребят...

А за забором
веселились
пьянки,

там жил
завскладом

с
толстым животом,

плясали там...

Не значась в
хулиганстве,

я как-то раз

пульнул в
них кирпичом.

В.В.

Недоедали мы в войну,

недосыпали, замерзали...

Не ставили себе в вину

потерь, не вынесших экзамен.

В конечном счете каждый стал

сильнее духом,

крепче телом.

Чем жарче,

тем прочней металл —

мы доказали это делом!

Улица Петра Ильичёва

Под весенним, долгожданным ливнем
ребетня весёлая кричит...

Улица? - привычным стало имя:

И нынче тянем честно воз
под захвалившие нас речи!..

Куда?..

Зачем?..—

иной вопрос,

но тянем мы

и не перечим.

А что же остается вам?

Что хочешь ешь и пей...

Забота,

которая досталась нам,

вас оградила всех от пота.

Не нужно ничего хотеть,

не нужно никаких усилий...

И вот вы начали хиреть,

и жить,

и делать все вполсилы.

Нет, в чем-то вы способней нас,

культурнее

и выше ростом,

но многое в вас

напоказ,

и с вами в трудный час непросто.

Случись, что вам предъявит счет

дурное время: зло, разруха —

жизнь вас безверьем обожжет

за вашу лень

и показуху!..

здесь живу...

Твою мне память чтить!..
... Под свинцовым, раскаленным ливнем,
на холодных камнях у скалы-
в дни войны на дальнем Сахалине
моряки в тельняшках залегли.
Но встаёт один и, как Матросов,
грудью закрывает пулемёт...
-Улица,
живёшь сейчас ты просто:
кто-то нянчит внуков, кто-то пьёт,
Кто-то радуется ясным зорям,
кто-то врёт, на всё мол наплевать...
Но средь нас
в глубоком, скорбном горе
этой улицей проходит мать.

С головой поникшей,
светлым взглядом!..

Седина... Морщины...
Ты взглядишь,
в женщин встречных,
и прошу: не надо

осквернять ничем святую жизнь?!
... Выхожу во двор. где сын с друзьями
у песочницы играет в бой...
Он- малыш, пока он мало знает
о войне, что знаем мы с тобой?!

Поздние признания

За вербной желтизною
над талою водой
ведет игру со мною
забытый голос твой!
То в согре вдруг аукнется...
то лугом проплывет...
то отзовется утицей...
то иволгой всплкнет...
На дне оврага сумрачно,
и малый ручеек
звенит,
поет задумчиво –
как чей-то голосок.
Спустился...

Пью.
Обветренным
губам прохлады власть!
И взгляд в воде приветливый,
как твой...
И что сказать?

Мартын все кружит
над весенней лужей,
крылами рассекая синий зной!..
- Зачем он кружит,
и о чем он тужит,
с ума сводя
своею белизной?!

То выше поднимается,
то с лета,
почти касаясь солнечной воды,
вдруг прокричит –
и в зове безотчетном
мне слышится дыхание беды...
- Зачем я здесь?
Зачем в тиши прозрачной
мартын все кружит,
стонет надо мной?
Последний снег в кустах
сереет мрачно
- он, словно память
горечи одной.
Он не растаял,
этот снег, поныне –
не я,
другой тебе цветы дарил,
напрасно я шептал ночами имя,
когда твой след
в чужих краях простыл.
...Стою в тени бездвижно,
молчаливо –
лишь кровь звенит:
я там, к тебе лечу!..
Ах, до чего же ты была красивой,
вся светлая –
подобная лучу!
Сквозь воду прорезается осока,
парит...
Вот здесь расстались мы с тобой...
Мартын все кружит,
стонет одиноко,
с ума сводя
своею белизной!

Днем ты –
свет в оконце!

Ночью ты –
луна!..
Проживу без солнца,
обойдусь без сна.
Лишь была бы рядом,
улыбалась мне –
много ль счастья надо
людям по весне?

Твоя любовь –
не легкая пыльца,
что веет с яркой розы золотистой...
Твоя любовь –
не красота лица,
хотя и ей могу вполне гордиться!
Твоя любовь –
не синий небосклон
и прелести всего земного рая...
Твоя любовь –
от бед любых заслон,
когда хожу по острому я краю!
Твоя любовь –
высокой чести долг,
в ней материнство,
женственность,
забота,
и если я чего-то в жизни смог,
то это ты мне помогла,
не кто-то.
Твоя любовь –
рассветный,

ясный свет
и луговое
майское цветенье!..
И без тебя,
пожалуй,
просто нет
меня, семьи –
всей жизни продолженья!

Заснеженность,
заснеженность...
Березок бахрома.
Из холода и нежности
сугробы-терема.
Сверкает поле белое,
а дальше – гребни крыш....

И что с собой поделаю,
когда в глазах стоишь.
Не ты ль поешь полозьями,
щеглами метишь путь,
не ты ли с веток гроздь
ссыпаешь мне на грудь?
Сквозь призрачную сетку
ветвей и куржака
сlediшь ты, незаметная,
ревнива и строга.
Летят снежинки, кружатся,
скользят в сугроб, скользят...
И дарит силу, мужество
твой негасимый
взгляд!

Тринадцатая часть. Празднование 70-ой годовщины ПОБЕДЫ в Великой Отечественной войне

(ЭТИ СТИХИ НАПИСАНЫ МНОЙ В ДНИ ПРАЗДНОВАНИЯ 70-ой ГОДОВЩИНЫ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ, Я ВПЕРВЫЕ ЧЁТКО ОСОЗНАЛ, ЧТО Я ВМЕСТЕ С ПОГИБШИМ ОТЦОМ БЫЛ И ОСТАЮСЬ ЧАСТИЦЕЙ ПОБЕДЫ)

ПАМЯТЬ

(В день Победы)

*«Святая память!» - слышу вновь от
деда,
ему уж 95...*

*В огне
сражений*

*он ковал в войну Победу,
и верил о великом этом дне!
«Святая память!» - мой отец под
Псковом
пал смертью храбрых...
Я с тех пор живу
его судьбою, защитит готовый
и дом свой, и огромную страну...
Мне самому за 80 лет,
и где-то там, из памяти недетской,
суровой,
вижу деревенский свет:*

поля, телеги, фронтовые вести...

*Сельчан усталых... Из бессонный
взгляд.*

И что ни день, листочки- «похоронки»...

О, Родина! Превыше всех наград

слова людей: «Для фронта всё!

Для фронта!..»

*... И стали возвращаться- кто без рук,
кто без ноги...*

В потёртых гимнастёрках...

Не многим повезло: семейный круг...

И счастье трудное-

за всех, за мёртвых!

И память та, как искорка во мне,

за самое святое- пресвятое!!

Был подвиг, ради жизни на земле!

*И этот подвиг навсегда со мною!!
Победный подвиг- в сердце, на века!
Да, годы фронтовые я изведal:*

*со мной тот подвиг, с самого роста,
я стал твоей частицею - ПОБЕДА!!!*

БЕССМЕРТНЫЙ ПОЛК
(К 70-летию Победы)
*Ваш час пробил !-
Вы вновь пришли живые
из дали дальней, из небытия!
Уже почти забытые, родные.
И не солдаты только- вся семья!
И стар, и млад!
Бессмертный полк впервые
идет по городам, за рядом ряд!
Портреты, фотографии простые
бойцов...
И ордена в лучах горят!*

*Несут плакаты женщины, подростки...
Вот мальчуган со знаменем в руках!..
Вот дед, ему идти совсем не просто,*

но сын его на фронтовых листах...
Идут в колоннах те:
- кто пал под Брестом,
- кто в окружение в Харькове попал,
- кто партизанил,
- кто замучен зверски
в концлагерях и без вести пропал...
А тот солдат, что в форме незнакомой,
в бою смертельном свой оставив взвод,
в могиле братской далеко от дома,
надеется, что мать его найдёт.
И может будет перезахоронен?!
...Я становлюсь с другими в строгий ряд,
и смотрит с фотографии военной
отец мой, на победный наш парад.
Бессмертный полк!?!-
пришел живьем на веки
и в сердце нашем вспыхнул, как салют!
Салют ПОБЕДЫ!?!-
с верой человеческой
в душе все годы прошлые встают.
Семидесятилетье!-
боль и беды
сам испытал за восемьдесят лет!?.
Идёт бессмертный полк на День Победы,
и над страной горит высокий свет!!

Приложение №1

Отрывки из книги «Святая память»

Техникум в сороковые - грозные

С 1 сентября 1925 г. по 1945 г. наш колледж именовался - «Строительный техникум железнодорожного транспорта Омской железной дороги Министерства путей сообщения СССР».

С первых дней войны ушли на фронт практически все преподаватели-мужчины (Жердяшов, Шинкаренко, Солдатов и др.), а также учащиеся призывного возраста - Никитин, Горский, Кременчугский, Рапотин, Прокопенко. Среди них -

отличники учебы В.С. Рассказов, Д.А. Даниленко, Ю.И. Супрун. Ушли на фронт и девушки-Семченко, Бабич, Чупина и др. На занятиях остались те немногие, кого не взяли по состоянию здоровья.

Техникум испытывал огромную нехватку педагогических кадров, поэтому некоторые из преподавателей, например, опытнейший инженер-строитель, много лет руководивший техникумом Н.П. Андреев кроме строительных дисциплин вел иностранный язык, лично занимался с драматическим кружком. Среди преподавателей того времени работали в стенах техникума И.И. Рычков (ставший позднее директором техникума), С.Ф. Поляков, П.А. Финагорский, В.П. Светланов и другие.

Коллектив техникума активно включился в помощь фронту, в приближение Великой Победы, до которой было еще долгих, трудных четыре с лишним года. Как и весь советский народ, преподаватели и учащиеся, чем могли, помогали фронту. Они собирали теплую одежду, продовольствие, деньги.

В военном госпитале № 2021, расположенном в учебном корпусе техникума, учебные мастерские провели работы по ремонту столовой с изготовлением и установкой моек, а также ремонт всей канализации в здании техникума. В аудиториях была произведена сборка и установка коек для раненых солдат и офицеров, прибывающих с фронта.

С первых дней войны техникумовская столовая была полностью передана в распоряжение Государственного комитета обороны, а для питания учащихся был открыт в 1941 году распределитель, куда из фабрики-кухни № 1 поступали завтраки, обеды и ужины. Полный дневной рацион на сумму 2- 2,5 руб. состоял из низкокалорийных блюд, без масла и жиров. Лишь в отдельные, редкие дни бывали мясные блюда.

Учебные занятия проводились в пяти небольших классах начальной школы №5, находящейся поблизости от техникума. Для нужд обороны было передано 2х-этажное деревянное общежитие на 155 человек, которое находилось до 1963 года на месте современного кирпичного здания общежития №1 и столовой.

Но не забывали в те дни и культурной жизни, ведь в Омск тогда переехал Московский театр им. Вахтангова. Спектакли его посещались преподавателями и учащимися, для раненых в госпитале давались самодеятельные концерты, выпускались боевые листки. Учащиеся техникума постоянно ухаживали за ранеными.

Учебная и трудовая дисциплина в годы войны была на очень высоком уровне. Например, в 1941- 1943 годах пропуски без уважительных причин составляли только 0,3 процента. В связи с призывом в армию, поступлением в военные училища, сложными семейными обстоятельствами в 1941- 1942 учебном году выбыло 27 человек и техникум окончили всего 31 человек. Такая же картина наблюдалась и в последующие годы.

Выпускники техникума прославили наш коллектив на полях сражений. Это полковник М.Ф.Бондарев- выпускник 1932г.; полковник Г.К. Страхов - выпуск 1936г.; подполковник А.К.Собанин (учащийся техникума 1941- 1943 гг.); старший лейтенант Г.А. Соловьев-выпускник 1936 года и др. Особенно значительна биография выпускника техникума 1938 года Н.А. Хелмицкого, участника Великой Отечественной войны, кавалера многих орденов и медалей, ставшего позднее председателем Омского облисполкома В эти годы от бывшего учащегося техникума Героя Советского Союза генерал-полковника Г.Ф.Байдукова, участника перелета через Северный полюс, было получено ряд писем и памятных знаков.

За долгие годы Отечественной войны коллектив техникума неустанно вносил свой посильный вклад в общее дело укрепления обороноспособности нашей Родины. Вся

Омская область, труженики села и города трудились денно и нощно, отправляя на фронт хлеб, масло, валенки, полушубки, винтовки, снаряды. Промышленность Омска срочно переводилась на выполнение оборонных заказов. В Омскую область прибыло свыше сотни фабрик и предприятий оборонного значения, среди них заводы: имени Баранова из Запорожья, имени Козицкого, «Прогресс», «Электроточприбор» и др. Победа ковалась на фронте и в тылу. В Омске формировались многие воинские части, в составе которых воевали наши преподаватели и учащиеся.

Так, осенью 1941 г. на базе Омского пехотного училища формируется 362-я стрелковая дивизия, принявшая участие в битве под Москвой. Одновременно сформирован 712-й отдельный батальон связи. На Северо-Западный фронт с берегов Иртыша отправляется 364-я стрелковая дивизия, в дальнейшем переименованная в «Тосненскую», которая закончила войну на Эльбе.

Бессмертны подвиги воинов 308-ой стрелковой дивизии, сформированной осенью 1942 г. в городе Омске. Дивизия под командованием полковника Л.Н. Гуртьева, защищая в Сталинграде завод «Баррикады», в течение месяца отбила 117 атак противника и была награждена орденом Красного Знамени. Она закончила свой боевой путь в центре Германии.

В ноябре 1942 г. сформированная в Омске 75-я добровольческая бригада начала бои под городом Белым, затем воевала на Северо-Западном фронте.

За героическую доблесть на фронтах сражений более ста наших земляков

получили звание Героя Советского Союза, 32 человека имеют ордена Славы всех трёх степеней, многие тысячи - ордена и медали.

(Май 2000 года). Воины- ветераны: слева направо,-
Е.К.Голдобин, А.И. Коваленко, В.Х. Поповцев

В ногу с веком

Евгений Кириллович Голдобин родился 10 ноября 1916 года. Обучался в школе №37 города Омска, затем в 1932 – 1933 гг. на рабочем факультете при Омском строительном техникуме.

Рабфак готовил студентов для поступления в высшие учебные заведения железнодорожного транспорта.

Поступил и закончил Томский электро-механический институт транспорта в 1938 году. Работал старшим инженером в восточном тресте паровозовагонного ремонтного завода.

В 1940 году Евгений Кириллович был призван в Красную Армию и направлен в Монгольскую Народную Республику, в 18-й танковый батальон.

Служил командиром танка в составе экипажа в 4 человека, награжден медалью «За боевые заслуги».

В 1945 году после разгрома Японской армии был демобилизован, а 21 марта 1946 года вернулся в Омск. Затем поступил преподавателем в школу машинистов и возглавил партийную организацию. В 1949 году перешел на работу в Омский железнодорожный строительный техникум (ныне колледж транспортного строительства) преподавателем черчения. Работал преподавателем, заместителем директора по учебной работе, а с 1963 по 1977 гг. директором техникума.

Солдат огненных лет

***Поповцев Василий Хрисанфович
работал в техникуме в качестве
инженера по эксплуатации зданий 1983- 1990 гг.***

***(ред. Приводим выдержку из одной центральной
газеты):***

«... О Василии Хрисанфовиче Поповцеве я узнала от его тезки Василия Михайловича Кипорука. «Вот о ком надо писать!» - горячо заверил меня ветеран. – Это ж герой-пулеметчик! К тому же наш самый главный заводила». Они воевали в одной дивизии, 178-й стрелковой. Познакомились, правда, спустя много лет после войны. Но понятие «однополчанин» для фронтовиков – святое, вневременное.

О фронтовом прошлом Василий Хрисанфович рассказывает обстоятельно: память у него прекрасная. Вместе с легендарным воинством сибиряков отстаивал Москву. Именно они смогли укротить врага и погнать его обратно на Запад. Поповцев был

командиром пулеметного расчета. Подо Ржевом он получил тяжелое ранение. После долгого лечения в тылу вернулся в родную дивизию. - Назначили меня командовать уже взводом – 18 крупнокалиберных пулеметов. Смоленск, Кулагинские

высоты, Новоскольники. Потом – Карельский перешеек... Вспоминается июль 44-го, белые ночи. Часа в два, как по расписанию, идет самолет-разведчик. Всем взводом открыли по нему огонь! Подбили, а он успел бомбу сбросить. Совсем рядом упала. Нас завалило землей, еле откопали. Если б не бруствер, без голов бы остались.

Последствия той контузии сказываются до сих пор. Но тогда молодость, воля к победе были сильнее всех испытаний.

Победный май застал Василия Поповцева в Прибалтике. А памятный снимок

45-го сделан в Потсдаме. Мягкое кресло для бравого лейтенанта-орденоносца оказалось таким непривычным.

- За всю войну и на стульях-то посидеть не приходилось, а тут такая прямо роскошь, - смеется фронтовик.

После войны Василий Хрисанфович остался служить в армии. Через несколько лет вернулся к гражданской специальности техника-строителя, работал в тресте «Омстрансстрой». Гордится, что возводил объекты без которых нынешний Омск просто немыслим: здания железнодорожного, речного, аэровокзала. Дом, в котором живет, тоже построил сам.

Множество снимков из его богатого архива – военных, мирного времени – перекечевали в музей боевой славы 178-й гвардейской дивизии, который находится в школе-гимназии №75. Василий Хрисанфович – бессменный председатель совета ветеранов этого прославленного соединения, организатор и вдохновитель встреч однополчан. То есть и в самом деле заводила. Сейчас озабочен подготовкой очередной встречи – она состоится, как всегда, 19 мая.

Обыкновенные дела героя войны

Гутман Арнольд Александрович – ветеран ВОВ, работает в колледже с 1990 года в должности

столяра при общежитиях, уделяя большое внимание жилищно-бытовым условиям студентов колледжа.

Арнольд Александрович родился 25 декабря 1925 года в Краснодарском крае в селе Бу, где прожил с родителями до 1935 года. Затем родители переехали в Омскую область в совхоз «Петровский».

На работу пришлось пойти в 10 лет – пастухом, т.к. отец погиб, а семья была большая, надо было помогать матери.

17-летним пареньком встретил Великую Отечественную войну. Служил в запасном полку пулеметной роты и через четыре месяца был отправлен на Ленинградский фронт. В конце 1943 года был ранен, проходил лечение при полевом госпитале в течение 3-х месяцев. Затем снова фронт в качестве пулеметчика, потеря друзей-однополчан.

В апреле 1945 года получил ранение, и снова в госпиталь до августа 1945г., получив инвалидность, так что Победу встречал на больничной койке.

В 1953 году переехал в г. Омск, т.к. уже обзавелся сам семьей и поступил на работу плотником в СМП-232 ордена Ленина треста «Омсктрансстрой», где проработал до заслуженного отдыха.

И вот с 1990 г. работает в ОКТС.

Гутман А.А. за отвагу и боевые заслуги награжден многими медалями, а за Трудовые успехи орденом Трудового Красного знамени.

В канун 60-летия Великой Победы желаем ветерану ВОВ крепкого здоровья, благополучия, спокойствия и праздничного настроения.

Достойная жизнь ветерана

(Руководителя военной подготовки Омского техникума транспортного строительства)

Коваленко Александр Иванович

В 1939г. Призван в ряды Советской Армии.

В 1940 г. – курсант Черкасского пехотного училища (в Свердловске).

С 5.09.1941г. по 27.09.1941г. – командир стрелкового взвода на Карельском фронте 7-й Армии.

С 7.07.1942г. по 10.08.1942г. – командир стрелковой роты на Западном фронте.

С 12.1943 по 7.1944г. – слушатель военных курсов (г. Новосибирск).

С 7.1944г. по 1950г. – преподаватель Омского Краснознаменского училища им. Фрунзе.

С 10. по 11. 1955г. – старший преподаватель училища.

С 12.1955г. по 2. 1957 – преподаватель общей войсковой подготовки в Омском медицинском институте.

С 11. 1957г. по 10.1959г. – военный комиссар Черлакского района Омской области.

С 10.1959г. по 5. 1961г. – начальник IV отдела Омского облвоенкомата

С 5.1961 по 6.1972г. – начальник II отдела Омского облвоенкомата.

Приказом Генштаба ВС СССР от 20.05.1972 уволен в запас с правом ношения военной формы.

Прекрасные судьбы фронтовиков

(воинов-ветеранов, которых сегодня с нами уже нет)

1. Каретников Алексей Иванович,

преподаватель спец.дисциплин

работал в техникуме с 1962 по 1977гг.

* * *

Инженер,

педагог,

подполковник в отставке

– все вместилось в единственном

добром лице!

Жизнь кипит, каждый день без остатка,

взгляд прищурен и точен прицел!

В седине – блеск снежинок,

но шаг – четок!

Порох есть в пороховнице!
Беспокойно – сердечен,
порою - чудаки,
любит шуткой и вестью делиться!
Остановит,
приветливо руку пожав,
спросит:
«Как?..» - пожелает удачи...
По закону –

на пенсии доживать,
только он рассуждает иначе.
И искрятся задорно глаза,
свет и радость несущие людям.
Часто думаю:
«Как мы, друзья,
постареем,
такими ли будем?..»

2. Полковник железнодорожных войск **Сергей Александрович Азаревич**,

учился в нашем коллеже в 1932-33 годах.

Затем закончил в 1938 году Томский электромеханический институт инженеров железнодорожного транспорта (ТЭМИИТ).

С 22 июня 1941 года и до Победы активно участвовал в Великой Отечественной Войне .

Азаревич Сергей Александрович, работал преподавателем спецдисциплин с1970-1984гг. Его лекции по строительству военных инженерных укреплений с большим вниманием слушали студенты техникума, как бывший военный он

пользовался в коллективе всеобщим уважением.

ред. мною написан стих о генерале Д. Карбышеве,

под впечатлением от военных рассказов Сергея Александровича:

3. Пуртов Николай Васильевич, с 1 августа 1950 г. работал в техникуме военруком

Родился в 1919 г., старший лейтенант, командир стрелковой роты, трижды ранен.

В октябре 1939 г. по очередному призыву был взят в РККА, где и служил по январь 1946 г.

Службу в Армии начал рядовым солдатом и в январе 1946 г. был из рядов Армии демобилизован по состоянию здоровья, с должности командира роты в звании гвардии старший лейтенант.

Участник боев Отечественной войны с первых дней и до окончания.

1939 г. – 05.1940 г. – Красноярский 365 стрелковый полк 119 с.д. СибВО.

1940 г. – 12. 1940 г. – Курсант полковой школы.

1941 г. – 12. 1941 г. – Командир отделения 365 с.п. 119 с.д. Западный фронт

1942 г. – 06. 1942 г. – Командир взвода хим. защиты Воронежский фронт.

1942 г. – 02. 1943 г. – Зам. командира роты Сталинградского фронта.

1944 г. – 1945 г. – Командир 2-ой роты, Прибалтийский фронт.

1945 г. – 01.1946 г. – Командир роты Ленинградского военного округа.

Ранения в 1941 г., 1942 г., 1945 гг.

25.02.1945 г. Ленинградский фронт. За образцовое выполнение задания командования награжден орденом «Красная Звезда».

1 августа 1950 года Николай Васильевич назначен военруком.

В этой должности, совмещая ее с работой по руководству производственной практикой, Николай Васильевич проявил себя как добросовестный, исполнительный работник.

10. Большой след в воспитательной работе техникума

оставили после себя преподаватели-фронтовики:

(годы их работы)

НАГИБНЕВ Николай Павлович, преподаватель 1960-1988 гг.

ШЕВЦОВ Иван Михайлович, лаборант 1960-1981 гг.

ТОКАРЕВ Виктор Петрович, преподаватель 1981-1989гг.

СЕНЬКО Алексей Николаевич, директор техникума 1956-1963гг.

МОИСЕЕВ Николай Яковлевич, учебный мастер 1945-1979гг.

КРУГЛЯК Василий Карпович, учебный мастер 1955-1966гг.

ПОЗДНЯКОВ Федор Васильевич, главный бухгалтер 1954-1975гг.

ПИМЕНОВА Александра Степановна, секретарь-машинистка 1958-1977гг.

СЯЙНАС Анатолий Яковлевич, сторож 1979-1987гг.

БАРЦЕВИЧ Вадим Ванифатьевич, сторож 1974-1982гг.

КУЗНИЦЫН Юрий Иванович, преподаватель 1977-1989гг.

МАЛЬКОВ Антон Захарович, зам. директора техникума по хозяйственной части

Список выпускников колледжа, погибших на фронтах Отечественной войны:

АРТЕМЬЕВ Н.Я.

ТОЛСТИК С.И.

НОВОКШЕНОВ Г.И.

БЕЗЗУБОВ И.Н.

ПАДЕРИН Б. М.

НИКИТИН Н. С.

ВЕРЮГИН В. Г.

ШАПОВАЛОВ Н.И.

КЛЮЧКО Ф.П.

ИОСТ И. К.

ПАХОТИН М.П.

ЧУМИКОВ Н.И.

КОПЫЛОВ К.А.

ЛОЗОВОЙ В. К.

ЕФРЕМОВ А.

ОНИПКО П.П.

ДАНИЛОЧЕНКО М.Д

ПРОЦКИЙ П. Л.

КОЙНОВ В.А.

Участники Отечественной войны, закончившие наш техникум сразу после службы в армии, в 1951-52 гг.

***Рассказов Василий Степанович**, в 1942 г. после окончания школы сразу ушёл на фронт. Был в плену, потом- в партизанах. После войны, в 1948 г. поступил в наш техникум на путевское отделение и окончил его в 1952г.*

***Степан Яковлевич Томащук**, в день окончания профтехучилища, 5 августа 1943г. добровольцем ушёл на фронт, дошёл до Берлина. День Победы встретил в 19 лет. В техникум поступил в 1947г, закончил- в 1951г.*

«Зал трудовой и боевой славы»

Зал боевой и трудовой славы техникума был основан бывшим военруком Александром Ивановичем Коваленко, который организовал сбор и оформление документов старейшего в Омске учебного заведения. В дальнейшем, по мере наполнения материалами, зал боевой и трудовой славы был переименован в зал истории. С этой целью производится капитальный ремонт помещения, необходимая перепланировка, изготовлены новые смотровые витрины, обновляются стенды. Предполагается изготовление новых экспозиций, отражающих деятельность отделений по специальностям за столетний период; а также работу ведущих преподавателей, заведующих отделениями.

Понятно, что для этого потребовались немалые средства. Откликнулись в первую очередь выпускники, работающие в мостостроительных организациях, оказав неоценимую помощь. Так коллективы Мостотреста-П, ведущие строительство уникальных сооружений через Обь и другие реки севера (Генеральный директор В.Ф. Салохин, выпускники - руководители МО-29 и МО-87 А.Я. Косяков, А.В. Лысенков, заместитель директора МО-15 И.Н. Стадник), выделили около 300 тыс. рублей. Нашел возможность оказать материальную помощь к 100-летию родного техникума руководитель Тюменавтодора Виктор Иванович Смолин, также выпускник техникума.

Все указанные выше моменты в жизни коллектива нашли отражение в экспозициях музея истории колледжа, утвержденного в этом статусе в 2000 году. Начало его было положено военруком техникума Коваленко Александром Ивановичем в 1977 году в виде зала боевой и трудовой славы, состоящий из двух комнат, оснащенных достаточно полным набором наглядных экспонатов о становлении Армии и Фронта, его успехов в Великой Отечественной Войне, жизни коллектива. В дальнейшем под руководством Заслуженного учителя РФ Копац Л.Н. зал боевой и трудовой славы получил развитие в подборе и оформлении новых 10 стендов, 32 витрин, отражающих весь период роста учебного заведения с 1900 года по настоящее время.

Среди экспонатов заслуживает внимание стенды печатных работ преподавателей, сборников поэзии и прозы преподавателя Зензина В.В., выпускника техникума Гришечко В.Л.

Проделанная работа в музее дала основание Решением Омской Администрации присвоить залу боевой и трудовой славы звание музея истории Омского колледжа транспортного строительства.

В дни подготовки и проведения Дня Победы по плану музея будут проведены следующие мероприятия:

- продолжится работа по поиску материалов по студентам и преподавателям – участникам ВОВ. В настоящее время имеются материалы по 60 выпускникам и работникам техникума, принимавшим участие в ВОВ;
- проведено закрепление между отделениями колледжа участников ВОВ, работников тыла, ветеранов труда с целью сбора дополнительных материалов для музея, оказания им необходимой помощи;
- готовится план встреч ветеранов войны и труда со студентами (есть договоренность с Советом ветеранов желдорвойск);
- проведение уроков (преп. Капанина Т.Г.) посвященных городам-героям и Дню Победы;
- план посещения музея учебными группами с лекциями и участием ветеранов ВОВ;
- обеспечение руководителей учебных групп необходимыми материалами для проведения групповых собраний.

Дмитриев А.П. – почетный учащийся техникума

А.П. Дмитриев, Почетный учащийся техникума, Герой Советского Союза

Кучинская Ирина Алексеевна – Почетный работник среднего профессионального образования Российской Федерации.

Родители:

Дмитриев Алексей Петрович – Герой Советского Союза, почетный учащийся ОКТС.

Дмитриева Зинаида Иосифовна – участник Великой Отечественной войны

Герой Советского Союза Алексей Петрович Дмитриев не был коренным сибиряком, но большую часть своей жизни прожил в нашем городе и по праву считал себя омичом. Родился он 30 марта 1913 года в деревне Каранино Сенгилейского района Ульяновской области в бедной крестьянской семье. В 1930 году Дмитриевы переехали в Москву. Алексей работал штукатуром в тресте «Теплобетон», затем на заводе «Стальмост» сборщиком конструкций. По путевке комсомола поступил в Ленинградскую объединенную военно-инженерную школу имени Коминтерна, которую в числе лучших окончил в ноябре 1935 года.

Алексей Петрович любил военную службу, отдавал ей все силы и время. О нем заговорили как способном командире. Стремление постоянно повышать свои знания привело в стены Военной академии имени М.В. Фрунзе.

Начавшаяся Великая Отечественная война ускорила выпуск слушателей академии. 5 августа 1941 года А.П. Дмитриев вступил в должность начальника разведки дивизии, которая вела упорные оборонительные бои с наседавшим врагом. Но уже в конце этого месяца ему пришлось возглавить группу, прикрывавшую отход дивизии. Пытаясь окружить и уничтожить наши части, фашисты навалились на горстку солдат силами до двух полков при поддержке танков. При непрерывном артиллерийском обстреле Алексей Петрович организовал оборону и обеспечил отход дивизии на новый рубеж. За эти бои А.П. Дмитриев был награжден орденом Красной Звезды.

Накануне наступления советских войск под Сталинградом А.П.Дмитриев принял под свое командование стрелковый полк. Пытаясь остановить наступление воинов, фашисты не считаясь с потерями, оказывали яростное сопротивление. Но и нашим частям победа давалась нелегко. Чтобы добить врага, командир дивизии свел остатки полков под командование А.П.Дмитриева.

Вот скупые строки из журнала боевых действий: «В боях за освобождение Сталинграда от немецко-фашистских захватчиков на подступах к городу и в городе более маневренным и боевым подразделением оказался 1036-й стрелковый полк, сохранивший как живую силу, так и технику. Генерал Родимцев вручил полку гвардейское знамя».

И.А. Кучинская

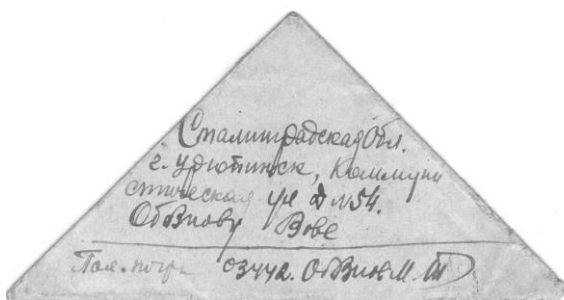
Коротко об отце

Мой отец, Обознов Матвей Терентьевич – горный инженер, в 1941 году ушел на фронт, когда мне было 11 лет. В 116-ом отдельном саперном батальоне он был командиром отделения, награжден медалью «За Отвагу». Отец погиб 31 октября 1943 года и был похоронен в деревне Воробьевка Ветковского района Гомельской области.

Маленький Володя Обознов на руках у отца

(Из семейного архива)

Сохранились его письма, в которых он описывал обстановку на фронте, солдатскую жизнь, проявлял беспокойство о нас, родных. Мой сын Александр и дочь Ирина знают его только по фотографиям, но память об отце всегда будет в наших сердцах.

Мой дедушка и моя мама

После окончания Сибирского
(1969-1973 годы) я работала в

автодорожного института
организациях, которые

занимались строительством транспортных сооружений (Мостопоезд №814 – г.Томск, Производственное управление благоустройства и озеленения - г.Омск; Мостоотряд №63 – г.Омск), с 2000 года работаю в Омском колледже транспортного строительства.

В. Ф. Неверов (1921-1980 г.г.) воевал и восстанавливал разрушенные участки железных дорог в составе специального формирования железнодорожных войск (поезд для ремонта и восстановления водоснабжения - ВОДРЕМ №26) с февраля 1942 года по сентябрь 1945 года. Был ранен, после ранения вернулся в строй, имел награды, которые, к сожалению, не сохранились.

Военным восстановителям приходилось работать в условиях непрерывной бомбежки и обстрелов, часто с оружием в руках защищать стальные коммуникации и родную землю от врага. Всего за годы Великой Отечественной войны личным составом железнодорожных войск и специальных формирований было восстановлено главных путей 81 332 км, вторых путей 6 901 км, станционных путей 29 041 км, стрелочных переводов 76 984. Кроме того было построено и восстановлено 2 720 км железных дорог узкой колеи, 73 456 км линий связи, 7 990 станций и разъездов, 2 345 пунктов водоснабжения и ряд других сооружений. Эти цифры говорят о гигантском труде, о невиданном героизме восстановителей железных дорог.

Омская область в годы войны стала одним из основных районов размещения перебазируемых в тыл заводов и фабрик.

На окраине города Омска осенью 1941 г. развернулось строительство цехов для эвакуированного из Запорожья завода имени П. И. Баранова. В короткий срок омичи построили железнодорожную ветку к строительной площадке. На пустыре, на окраине Омска, в кратчайший срок было начато строительство корпусов цехов и других служб предприятий. И, несмотря на трудности, 7 ноября 1941 г. первый мотор, сделанный в Омске, был поставлен на испытания.

С февраля 1942 года по сентябрь 1945 года на этом предприятии работала моя мама, Неверова Антонина Васильевна (после замужества Алексеева), в должности оператора – контролера.

Об отдыхе и выходных днях во время войны не было и речи. То, что в мирное время выполняли за месяцы, в военное время - за считанные недели.

Моторостроители бесперебойно выпускали нужную фронту продукцию. Наряду с военной продукцией завод изготавливал для фронта валяную обувь, помогал фронту денежными средствами для создания эскадрильи (авиа). За успешное выполнение заданий Родины во время войны коллектив завода и его работники награждены орденами и медалями. Есть награды и у моей мамы: медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 года»; медаль «50-лет победы в Великой Отечественной войне 1941-1945г»; медаль «60-лет победы в Великой Отечественной войне 1941-1945г».

Т. Б. Ковальчук, преподаватель специальных дисциплин

Воспоминание об отце

Мой отец, Ильин Александр Трифонович, родился в 1912 году в селе Цзылбаш, позднее с. Монатово, а ныне село называется Иртыш Черлакского района. Его родители из казачьего рода, переселились с Дона осваивать Сибирь с походом Ермака. На берегу Иртыша была построена небольшая застава (Изылбаш) для защиты от нападения Сибирских татар.

В 1931 году отец женился на простой крестьянке из большой семьи Шаминой Анисии Алексеевне.

В 1932 году родился их первый ребенок, мальчик. И в этом же году начались жестокие сталинские репрессии. Был арестован отец, (мой дед) и по ст.58 в этот же день был расстрелян в Омске. Вскоре был арестован отец моей матери и тоже расстрелян в г. Омске. Уничтожение невинных, честных людей стало массовым.

В 1939 году отца должны были призвать на службу в Красную Армию. Но как сына врага народа вернули со службы.

Началась Великая Отечественная война.

В 1941 году у отца уже было пятеро детей, и в семье ожидали шестого ребенка.

В те дни всех мужчин села, призывного возраста, посадили на пароход, переправили на левый берег, и больше никто из родных их не видел. Все погибли в первый же год войны.

Похоронка на отца в деревню пришла одна из первых.

Нам, его детям, пришлось испытать в детстве всё: голод, холод. Все ходили почти раздетыми и без обуви. Когда подросли, стали писать во все инстанции, пытаясь найти могилу отца. Пришло известие, что отец, Ильин Александр Трифонович, похоронен в общей могиле под Сталинградом. Его отец и отец жены, т.е. мои деды, были невинно расстреляны (газета «Черлак»). Сам я в 1957 году был призван в Советскую Армию, служил 3 года в ГДР, в танковых частях. После службы в армии окончил Омский педагогический институт. Потом работал 2 года в Омском политехническом институте на кафедре начертательной геометрии. С 1987 года по сей день работаю преподавателем в Омском колледже транспортного строительства.

Светлая память о погибшем отце всегда будет со мной, в моей душе, в моей памяти. Я его почти не помню. Отец всегда представляется мне на коне с шашкой, так как он родом из донских казаков.

И.А. Ильин, преподаватель черчения

Моя семья в годы Отечественной войны

Герасимов Вадим Николаевич родился 28 мая 1929 г. С 1972года по настоящее время работаю в техникуме-колледже, в т.ч. с 1975 по 2004гг. в должности заведующего отделением.

Весной 1941 года я закончил 4 класс школы №16. Известие о нападении фашистской Германии на нашу страну узнал на просмотре кинофильма в к/т «Октябрь».

Вскоре в Омск стали прибывать эшелоны с эвакуированными, в дом моих родителей поселили мужа и жену из Москвы – работников авиационного завода №166.

В военкомат потянулись длинные очереди добровольцев на фронт. Среди них были два моих двоюродных брата – Нефедовы: Николай (он уже отслужил в армии, был танкистом) и Валентин (спортсмен, играл в футбольной команде «Локомотив»). В этом же году моя тетя получила «похоронку» на Николая – он сгорел в танке, а затем известие о Валентине – он пропал без вести. Они внесены в «Книгу Памяти» Омской области.

Наша мирная жизнь также изменилась – стали сажать картошку на свободной загородной территории. Рано утром занимали очередь за хлебом, который выдавался по карточкам. Зубы чистили мелом, писали на книгах между строк, чернила изготавливали сами из сажи и травы. Было нелегко, но жили дружно. Часто общались друг с другом, родственниками, дома, в школе. Выступали в госпиталях перед военными. Осенью собирали в поле колоски и верили в Победу.

Моя жена, Татьяна Герасимова (Кривоногова), на второй день войны попала под бомбежку в г. Кременчуге (150км от Киева). В течение всего месяца на ночь жильцы домов уходили в бомбоубежище – подвал Дворца пионеров, затопленный водой, шли по доскам к деревянным нарам. Днем укрывались в щели, вырытой взрослыми и детьми. До объявления воздушной тревоги по радио по гулу самолетов овчарка Динка узнавала о налете и начинала выть. С трудом выехали из Кременчуга в санитарном поезде. Все привокзальные площади Кременчуга, Полтавы, Харькова были забиты беженцами.

Немецкие самолеты бомбили мирное население: женщин, стариков, детей – щели были укрытием для беззащитных людей. Одиннадцатилетняя Татьяна, четырехлетний брат Костя с матерью эвакуировались в г. Омск.

Отец Татьяны, Василий Леонидович, сам врач-хирург, был мобилизован и работал в военном госпитале – оперировал поступающих раненых, а город покинул, когда немецкая артиллерия начала обстрел через Днепр с противоположного берега.

Эта война для Василия Леонидовича была третьей. После окончания медицинского факультета Киевского университета он мобилизуется и переводится на перевязочный пункт под Киев. За боевые заслуги получил награды: орден Святого Станислава II и III степени с мечом и бантом, Святой Анны III степени.

После революции 1917 года руководил госпиталями в городах Армавире, Сочи, Пятигорске, находясь в составе Первой конной Армии Буденного, продолжал спасать жизни солдат России.

Брат жены, Леонид Кривоногов до войны преподавал в Чкаловском (Оренбургском) летном училище. В первые дни войны имел броню, но добровольцем ушел на фронт, защищал Ленинград. О его героической смерти в письме отцу Леонида и Татьяны писал его друг, штурман. Леонид Кривоногов погиб в возрасте 29 лет – это был его последний 103-й боевой вылет.

Мы, дети Великой Отечественной войны, гордимся подвигами своих отцов, братьев и дедов, благодарны им за то, что они выстояли и победители.

В.Н.Герасимов,

Память о войне

Лубеницкая О.Ф.

Тех, о ком я хочу Вам рассказать, уже давно нет в живых. (Кроме моей тети, единственной – Надежды Павловны Радзиевской).

Мой дядя, Радзиевский Иван Павлович, ушел на фронт добровольцем в первые дни войны. Он входил в состав 114 стрелковой дивизии, которая сформировалась в Иркутской области. Воевал на Карельском фронте, неоднократно был ранен, попадал в госпиталь и снова возвращался на фронт. В конце войны, будучи тяжело раненым, стал инвалидом Великой Отечественной войны.

В книге С.Р. Джигола и И.И. Кузнецова «Воевал сибиряк на Карельском фронте» был описан подвиг пулеметчика Ивана Радзиевского, который вдвоем с однополчанином держали высоту более двух недель, зимой в сорокоградусный мороз. Иван Павлович был награжден орденом и медалями за участие в Отечественной войне.

Второй мой дядя, Радзиевский Владимир Павлович, еще в гражданскую войну 1919 года был партизаном. Во время Отечественной войны ушел на фронт в свои 43 года, в 1942 году, участвовал в сражении за город Великие Луки. Был тяжело ранен и за военную доблесть представлен к награде. К сожалению, он при этом стал инвалидом Отечественной войны.

Мой отец, Василенко Федор Петрович был гражданский человек, у него была одна запись в трудовой книжке «Омский аэропорт». Начал с диспетчера службы отдела перевозок.

На фронт ушел в июне 1941 года, т.е. в первые дни войны. Их провожали из Сада пионеров (ныне это сквер рядом с кинотеатром имени В.В. Маяковского). Был сержантом в пехоте, воевал на Калининском фронте. Большие бои были за города Ржев, Торжок, Старица, Москва. Домой вернулся после пяти ранений: два из них в голову и руку. Ранения были тяжелыми. Отец находился в разных эвакогоспиталях №1057, №3491, №3765. Из-за того, что было много ранений пришлось быть в разных стрелковых полках, куда он возвращался вновь после излечения, например, полк №634, №693, №1106. Сначала он был стрелком, а затем командиром стрелкового отделения. В госпитале лежал около полугода, и медицинская комиссия признала его инвалидом Отечественной войны II группы.

Устроился на работу снова на аэровокзал. На пенсию пошел с должности начальника Омского аэровокзала. Ему пришлось строить два вокзала.

Отец рассказывал, что впервые дни войны некоторые молодые солдаты погибали нелепо, так как не было никакого опыта, ни жизненного, ни военного. Например, ночью в лесу солдат мог закурить, а для немецких снайперов этот огонек был ориентиром. Простое желание закурить стоило жизни.

В битвах под Москвой и Сталинградом

Зверев Яков Александрович родился 31 октября 1916 года в деревне Покровка Большереченского района Омской области.

Был призван в 1938 году служить в ряды Красной Армии. В 1941 году попал на фронт. Участвовал в Бородинском сражении под Москвой. Командовал штрафным батальоном под Сталинградом. Был ранен. После госпиталя вернулся на фронт. Освобождал Польшу, участвуя в боях за освобождение Берлина. Зверев Я.А. внесен в списки умерших ветеранов в парке Победы г.

Омска. Его именное оружие, документы хранятся в музее Вооруженных Сил РА в г. Москве в отделе, посвященном Бородинскому сражению.

Зверева Т.Г.

преподаватель физики, Почетный работник ОКТС

Долгий путь войны

Мой отец, Заседатель Василий Яковлевич (1909-1991) – участник Великой Отечественной войны. Старшина 70 Особой морской бригады, воевал на северном фронте, дважды ранен.

До войны семья жила в Запорожье. В начале войны завод имени Баранова, на котором работал отец, эвакуировался в Омск.

Сам Василий Яковлевич выехал с заводским оборудованием, а беременная жена с годовалой дочерью на руках, как и остальные семьи, ехала в другом эшелоне. По дороге эшелон с семьями попал под бомбежку. Чудом удалось найти после бомбежки годовалую дочь. Вторая дочь родилась в январе 1942 года уже в Сибири.

Воевал отец на Карельском фронте. Однажды при выполнении боевого задания в составе группы из 4-х человек был ранен. Пробираясь через лес в медсанбат, обнаружил вражеский десант из 30 человек. Теряя силы, добрался до своего окопа и передал донесение комбату. После госпиталя отцу вручили первую награду – орден Славы III

степени. Далее были тяжелые бои в Заполярье, затем – за освобождение Праги. В боях под Прагой был снова ранен, а за выполнение боевого задания и захват «языка» был награжден орденом Красной Звезды. Имел также 2 медали: «За оборону Советского Заполярья», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945гг.»

Мать, Заседатель Мария Ивановна (1909-1964), очень тяжело пережила войну с двумя маленькими детьми. Дочери от голода были на грани смерти, а мать, работая на восстановленном оборонном заводе им. Баранова, часто падала, теряя сознание. Тяготы войны не прошли бесследно. Мария Ивановна очень рано ушла из жизни (1964г.).

Отец успел порадоваться внукам, а вот правнуки родились уже позже.

В семейном архиве хранятся боевые и юбилейные награды, фронтовые фотографии, открытка с фронта 1942 года. Но главное – это память детей, внуков и правнуков о дорогих людях, сохранивших для них свободу и жизнь.

Заседатель Валентина Васильевна,

Трудные судьбы родителей

Дербушева Валентина Федоровна после окончания Новосибирского института инженеров ж/д транспорта работала старшим инженером Исилькульской дистанции пути Западно-Сибирской ж.д. С 1969 года переведена трудится в Омском колледже транспортного строительства в качестве преподавателя дисциплин «Изыскания и проектирование железных дорог» и «Строительство железных дорог».

В день начала Великой Отечественной войны мне исполнилось 5 лет. Я с мамой, братом и сестрой жила в г. Исиль-Куле. Отец, Дербушев Федор Герасимович, был арестован в ноябре 1937 года и в июне 1938 года расстрелян. Тогда он являлся секретарем Саралинского райкома партии в Хакасской автономной области и было ему 31 год.

Все тяготы военного времени легли на плечи моей мамы, ей было 27 лет. Она воспитывала троих детей и работала на производстве без единого выходного в течение 4-х лет войны. Работала начальником отдела кадров Исилькульского элеватора. Жизнь была связана еще с постоянными командировками в колхозы и совхозы, где надо было обеспечивать поставки зерна для фронта и людей, работающих в тылу. Маму я видела ночами, когда она при свете коптилки стирала, шила, белила, штопала.

На фронте были 2 брата и сестра мамы: Кокорев Александр Георгиевич, Кокорев Василий Георгиевич, Кокорева Елена Георгиевна.

«Похоронки» на двух сыновей моя бабушка получила уже в первые месяцы войны.

Елена Георгиевна ушла добровольцем на фронт в первые дни войны, будучи студенткой 2-го курса Московского авиационного института, и воевала до мая 1945 года.

День Победы она встретила в Вене в звании старшины.

После окончания войны не стала продолжать учиться в авиационном институте, а поступила на 1-й курс Московского медицинского института, успешно закончила его и работала врачом.

В.Ф. Дербушева,

Праздник со слезами на глазах

Вот уже скоро двадцать лет, как я работаю в нашем колледже преподавателем гуманитарных дисциплин. За эти годы несколько тысяч студентов узнали от меня, что такое праксиология, познакомились с культурой речи и секретами нашего великого и прекрасного языка.

В нашей стране нет ни одной семьи, которой не коснулась бы самая страшная война XX века – Великая Отечественная. И моя семья – не исключение. Оба моих дедушки воевали на фронтах войны, а бабушки работали в тылу по 16 часов в сутки, помогая фронту своим тяжелым трудом. Я хочу рассказать о героической и трудной судьбе одного из своих дедушек – Прокопии Петровиче Кузнецове.

Он был призван на фронт в первые же дни войны. Он был танкистом. Теперь нам известна жестокая статистика той войны – больше всего погибало в боях именно танкистов, потому что шансов выжить в горящем танке практически не было... Мой дедушка принимал участие в самом грандиозном сражении Великой Отечественной войны – танковой битве под Прохоровкой. Его танк оказался подбит, дедушка был тяжело ранен. Взрывной волной его отбросило и засыпало землей. Он не подавал признаков жизни, поэтому его посчитали погибшим и послали моей бабушке «похоронку». Не передать словами горе женщины, получившей такое известие. Но дедушка выжил – всем смертям назло! Сибиряки – народ крепкий! После этого дедушка был еще дважды ранен, лежал в госпиталях, но возвращался в строй и дошел до Берлина. Он был награжден медалью «За отвагу», «За боевые заслуги», «За оборону Сталинграда», «За взятие Будапешта», орденом Отечественной войны I степени. Но главной своей наградой он считал медаль «За отвагу» - символ солдатского мужества, которым гордятся фронтовики.

Прокопий Петрович вернулся с войны. Но страшные раны дали о себе знать, и он умер через два года, в 1947 году, за много лет до моего рождения. Все, что я знаю о нем, я услышала от бабушки, которая каждый год в день Победы доставала его награды, фотографии и со слезами на глазах рассказывала нам, внукам, о том, каким доблестным воином, защитившим нас и всю страну, был наш дедушка – герой войны Прокопий Петрович Кузнецов.

В.А. Суворова, преподаватель гуманитарных дисциплин

Семья, разобщенная войной

Люлякина Елена Олеговна, работает в колледже с 18 января 1988 г. С сентября 1997 года назначена на должность зав. отделением.

Моя семья, как и любая другая в России была задета войной. Мама, Надежда Александровна, ребенком была сдана в детский дом г. Краснодара. Осенью 1941 г. в возрасте двух лет ее передал военный. Отдавая, сказал, что вернется за ней. Но потом город был захвачен оккупантами, дети розданы по семьям, архивы детского дома сожжены.

Так и до сих пор ничего неизвестно о родителях моей мамы.

Дедушка по отцу в 1938 году был арестован и сослан в Сибирь из Астрахани как враг народа. С началом войны из ссыльных был сформирован штрафной батальон, посланный на передовую. В живых из батальона не осталось никого. Так что у нас нет военных фотографий, письма из штрафного батальона писать не разрешали.

Е.О. Люлякина

«Судьбы, опаленные войной»

Мой рассказ будет о моей маме, бабушке, прабабушке – Рудневой (Соловьевой) Марии Арсентьевне – уроженке Тверской губернии.

Когда началась война, маме исполнилось 13 лет. Все пришлось пережить: холод, голод, гибель на фронте двух старших братьев Алексея и Бориса, страдания родителей и близких людей.

Весной 1942 года мама, как и многие подростки, была призвана в РУ – было ей тогда 14 лет. Больше месяца везли их по железной дороге в товарняках. Первая остановка была в г. Свердловске. Сказали: «Что вы нам привезли детский сад? У нас тут тяжелая металлургия». И отказали. Снова посадили по вагонам и повезли дальше. Так мама оказалась в Омске, вдали от родителей, став учащейся Ремесленного училища №2 (ныне ПТУ-2) при заводе им. Октябрьской революции (ныне з-д Транспортного машиностроения), который в годы Великой Отечественной войны был эвакуирован вместе с рабочими из Ленинграда.

После окончания училища, в суровые годы войны, пришла мама в коллектив цеха №22. В короткий срок освоила профессию машиниста электрокрана и на всю жизнь полюбила ее, как полюбила и коллектив своего цеха, ставший для нее родным, где она проработала 49 лет.

Одной из первых в цехе мама была удостоена звания Ударника коммунистического труда. Имеющей большой опыт работы, ей поручали наставничество над молодежью. Многих выучила она своей профессией. За многолетнюю и безупречную работу маме было присвоено почетное звание «Заслуженный машиностроитель завода». О ней неоднократно писали в заводской газете, с Доски Почета ее фотография почти не снималась. Она

награждена многими грамотами. Сегодня М.А. Руднева на заслуженном отдыхе, ветеран труда.

7 апреля 2005 года маме в торжественной обстановке во дворце клуба микрорайона «Радуга» вручили юбилейную медаль с удостоверением «60 лет Победы».

Хочу от себя лично, зятя, Валерия Алексеевича, моих детей, ее внуков Юлии и Андрея и от правнучки Машеньки пожелать ей крепкого здоровья, долголетия, праздничного настроения.

Носова (Соловьева) Л.И.

Наши родители

Щербинина Ольга Александровна, преподаватель ОКТС

Мой отец, Никулин Александр Иванович, 1925 года рождения призван 1 января 1943 года Крутинским райвоенкоматом Омской области. Рядовой пехоты. Освобождал Украину, Польшу, Румынию, Болгарию. Дважды ранен. Награжден медалями «За отвагу» - дважды, «За боевые заслуги», «За победу над Германией». По окончании войны остался в Советской Армии на сверхсрочную службу старшиной стрелковой роты.

***Дедушка, Селиванов Антон Антонович, 1889 года рождения, с первых дней войны боец Лодейно - Польского партизанского отряда Ленинградской области. В 1943 году вступил в ряды Советской Армии телефонистом 2-го дивизиона 85-й тяжелой гаубичной артиллерийской бригады. Погиб 10 марта 1944 года в бою за деревню Сергейцево Пустошкинского района Псковской области. Сведений о ранениях и наградах нет.

Дед – Щербинин Вениамин Васильевич. Отец – Щербинин Игорь Вениаминович. Мать – Щербинина Мария Антоновна. Тетя – Селиванова Роза Антоновна. Все они во время войны работали на Сибзаводе, выпускавшем ракеты для «Катюш» и артиллерийские снаряды, и были награждены медалями «За Победу над Германией». О.И. Щербинин

Вечная память

Отец мой, Дегтярев Валентин Дмитриевич, родился в 1912 году в деревне Костромской области. Семья была многодетной. Отец вспоминал, как он с сестрой вынуждены были просить подаяние, потому что жить было не на что. Бедная крестьянская семья. Видимо, поэтому, спасаясь от голода, семья переехала в Сибирь. Но и здесь жизнь была не из легких. В смутные времена деда за отказ отдать в обоз лошадь, колчаковцы засекали его розгами. Семья осталась без кормильца. Отец устроился на железную дорогу учеником слесаря. Постепенно жизнь налаживалась. Перед войной батя был освобожденным председателем МК локомотивного депо Омск и не подлежал призыву в военное время. Тем не менее, 20 февраля 1942г. добровольно ушел на фронт. Участник боев на Волховском и Ленинградском фронтах. 16 февраля 1944г. под Нарвой получил тяжелое осколочное ранение в область живота. До сих пор этот кусок металла от дальнобойного снаряда хранится в нашей семье. Перенес 7 операций и только 12 мая 1945г. был выписан из госпиталя инвалидом III группы.

Награжден орденом Славы III степени и медалью «За оборону Ленинграда», медалью «За Победу над Германией», а также другими юбилейными медалями. Войну закончил в звании старшины развед. роты. Если я не забыл, то, по-моему, орден он получил за ликвидацию дзота. Также он рассказывал, что орден Славы II степени его не нашел из-за скитания по госпиталям. После войны продолжал работать в депо слесарем. Общий стаж работы –

40 лет. За добросовестный труд неоднократно награждался почетными грамотами, объявлялись благодарности, награжден именовыми часами приказом министра путей сообщения, а также медалью «Ветеран труда». Член КПСС с мая 1940г. К сожалению, его уже давно нет с нами. Мама, Дегтярева Евгения Николаевна, всю свою жизнь, включая и военный период, проработала санитаркой в родильном отделении железнодорожной больницы в здании, где сейчас находится онкологическое отделение. По горькой судьбе в этом здании и закончилась ее жизнь. Перенесла, как и все женщины того тяжелого времени все мучения и невзгоды. Награждена медалью «За победу над Германией». Память о родителях и детские воспоминания я никогда не забуду.

Н.В.Дегтярев

Бойцы полуострова Ханко - защитники Ленинграда

Полуостров Ханко после победы в Финской войне был передан СССР в аренду на 30 лет. На карте полуостров выглядит сапожком, обсыпанным, как крупой, точками мелких островов. Он нависает над входом в Финский залив и является стратегически важной позицией на морских подступах к Ленинграду.

В то время, на полуострове, в некогда тихом дачном уголке, покинутом финским населением, строилась военно-морская база Балтийского флота. Среди прибрежных скал, на островах, ставили артиллерийские батареи, укрепляли сухопутную границу, проходившую по узкому перешейку – его называли Петровской просекой. Другое название этого места – Гангут, у берегов которого двести с лишним лет назад молодой флот России разгромил шведскую эскадру.

На полуострове строилась железная дорога, которая никуда не вела, а предназначалась только для передвижения транспортеров, несущих дальноточные двенадцатидюймовые орудия – главный калибр Ханковской базы. По стратегической идее, пушки плюс тяжелые орудия, установленные на острове Осмуссар близ эстонского побережья, должны были наглухо перекрыть вход в Финский залив. В первые дни войны на полуострове Ханко было тихо. В нейтралитет Финляндии никто, конечно, не верил. И вот в ночь на 23 июня был перехвачен радиосигнал на финском языке открытым текстом: «Начинать, начинать, начинать, согласовать с германским командованием».

И 25-го началось ...Финны обрушили на полуостров Ханко сильный артиллерийский огонь. Бывали дни, когда на полуострове рвалось до 6 тысяч снарядов и мин.

Противнику отвечали 17 Ханковских батарей, часто слышался басовитый рев двух двенадцатидюймовых железнодорожных батарей, под которыми гудели рельсы, проложенные в гуще леса. Кроме этого, на полуострове был бронепоезд – батарея, имевшая репутацию «неуловимой». Пушки – «сотки» бронепоезда прикрывали Ханковский аэродром, подавляли батареи противника.

Гарнизон полуострова Ханко зарывался под землю. Всюду строили дзоты и блиндажи. По берегам были отрыты окопы и землянки, протянута колючая проволока в два ряда. Каждую ночь был возможен десант финских войск. Штурмовые группы противника несколько раз атаковали сухопутную границу – Петровскую просеку, но были отброшены нашими войсками. Гарнизон Ханко оказался крепким орешком, он не только оборонялся, но и наступал. Яростно била по полуострову финская артиллерия. Финны явно намеревались обнажить нашу оборону – выжечь лес. Их зажигательные снаряды вызывали лесные пожары, с которыми самоотверженно боролись бойцы гарнизона полуострова Ханко.

«Лес горел страшно. С сосны на сосну со зловещим треском перескакивали огненные языки. Удушливо тлела опавшая хвоя. В клубах дыма высверкивал огонь: продолжали рваться зажигательные снаряды. Солдаты копали рвы, чтобы преградить путь огню. Обливаясь потом, задыхаясь от дыма, бойцы остервенело выбрасывали лопатами землю, и тут финны перешли с зажигательных снарядов на фугасные. Защитники попрыгали в вырытые рвы. Лежа на дне, они слушали, как приближается грохот разрывов, как удаляются осколки в землю и стволы деревьев. Едко пахло дымом, сгоревшим тротилом...».

Долгие 164 дня бойцы гарнизона полуострова Ханко сдерживали яростный натиск врагов. С падением Таллина прекратился подвоз не только провианта, но и боеприпасов. Ханко оказался в глубоком тылу противника, поэтому вскоре было принято решение о выводе с полуострова Ханко 28-тысячного гарнизона на большую землю. Большой землей для бойцов полуострова Ханко был осажденный Ленинград с Кронштадтом. Эвакуация гарнизона полуострова Ханко проходила под постоянным артобстрелом и бомбежками вражеской авиации. Среди бойцов гарнизона полуострова Ханко воевал и мой отец,

Ковальчук Владимир Маркович. Он был призван в армию в 1940 году и служил на полуострове Ханко. Вместе с бойцами Ленинградского фронта он защищал Ленинград на Невском плацдарме, за свои малые размеры, называемом «Невским пяточком». Это была арена кровопролитных боев, целью которых был прорыв кольца блокады Ленинграда. В боях за оборону Ленинграда мой отец был ранен, после чего был отправлен в госпиталь на Большую Землю. После госпиталя он учился в школе младших командиров в г. Чапаевске (Куйбышевская область), где и познакомился с моей матерью, Самоставовой Галиной Александровной. Мать в то время работала швеей на фабрике, которая выпускала шинели и др. обмундирование для фронта. Отец прослужил в армии с 1940 по 1972 г.г., закончил службу в звании подполковника. Имеет награды: медаль «За боевые заслуги»; медаль «За победу над Германией» и другие правительственные награды.

В.В. Ковальчук

ВЫПУСКНИКИ - ФРОНТОВИКИ, ПРОСЛАВИВШИЕ ОКТС

(Училище – Техникум - Колледж)

Выпускник колледжа транспортного строительства, генерал- полковник авиации Георгий Филиппович Байдуков

Фронтовик, участник Великой Отечественной Войны, учился в нашем техникуме в 1922-1925 годах

В 1936 году экипаж в составе В.П.Чкалова, Г.Ф. Байдукова и А.В. Белякова, на самолете АНТ -25 совершил первый в мире беспосадочный перелет из Москвы, через Северный полюс земли, в Америку. Они стали прославленными Героями Советского Союза. Во время Великой Отечественной Войны Георгий Филиппович Байдуков командовал авиационной дивизией.

Хелмицкий Николай Аркадьевич

Выпускник нашего колледжа
1937 года

Фронтовик Великой
Отечественной войны,
гвардеец, кавалер ордена
Красной Звезды, двух
орденов Отечественной
Войны и других орденов
и медалей.

После войны Николай
Аркадьевич стал
общественным и
хозяйственным деятелем.
Возглавлял Омский
Горком партии, был
председателем
Облсполкома, Депутатом
Верховного Совета,
министром в
правительстве России,

Незабываемая встреча

На Омской земле встретился легендарный летчик Ю.А. Гагарин с выпускником
нашего колледжа Н.А. Хелмицким

ПРИЛОЖЕНИЕ № 2

ОМИЧИ НА ЗАЩИТЕ ОТЕЧЕСТВА

1. ОМИЧИ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1941—1945.

23 июня 1941г., в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР, в Омске началась мобилизация военнообязанных 1905-18 годов рождения. 24 июня в райвоенкоматы поступи. 2250 заявлений о посылке добровольцами на фронт. В Омске были сформированы воинские соединения и части, в том числе 178-я, 282-я, 308-я, 362-я, 364-я стрелковые, 49-я и 77-я кавалерийские дивизии, 70-я отдельная морская, 75-я отдельная стрелковая, 146-я и 30-я лыжные бригады, 712-й отдельный линейный батальон связи и др.

Они прошли боевой путь от Подмосковья до Берлина. Первой ушла на фронт сформированная в 1939 из трудящихся Алтайского края и Омской области 178-я стрелковая дивизия. Сражалась под Москвой, на Смоленщине, принимала участие в боях за Кулагинские высоты и города Новосокольники, Выборг, Либава, в разгроме гитлеровцев в Восточной Пруссии. За боевые действия в период Смоленской наступательной операции приказом Верховного главнокомандующего от 19 сентября 1943 г. дивизии было присвоено почетное наименование «Кулагинская». В ноябре 1941 из Омска была направлена на фронт 364-я стрелковая дивизия, оборонявшая Ленинград. В составе 2-й ударной армии она участвовала в прорыве блокады города и освобождала Ленинградскую область. За освобождение г. Тосно в январе 1944 дивизии было присвоено наименование «Тосненская». За штурм Берлина награждена орденом Красного Знамени. На базе Омского военно-пехотного училища в 1942 была сформирована 362-я стрелковая дивизия. Отличилась в боях за Москву, в Орловско-Курской операции, на Псковщине и Белоруссии, освобождала населенные пункты Польши и завершила свой путь на берегах Эльбы. За особые отличия в крупных сражениях дивизия была удостоена почетного наименования «Верхнеднепровской» и награждена орденами Красного Знамени, Суворова и Кутузова 2-й ст.

Боевой путь от Сталинграда до берегов Эльбы прошла сформированная в 1942 на базе Омского военно-пехотного училища 308-я стрелковая дивизия под командованием начальника училища полковника Л. Н. Гуртьева. Героизм и отвагу проявили бойцы в битве на Курской дуге, за освобождение Польши, Прибалтики и Германии. В боях под Сталинградом отличился связист М. М. Путилов (будучи раненым в руку, зажал концы проводов зубами, обеспечивая тем самым связь).

3 августа 1943, спасая командующего 3-й армией генерала А. В. Горбатова, героически погиб под Орлом командир дивизии генерал-майор Л. Н. Гуртьев. (посмертно удостоен звания Героя Советского Союза). В боях за Ельню, Смоленск, городов Белоруссии и Прибалтики прославилась 75-я отдельная добровольческая стрелковая бригада, сформированная в июле 1942 (с мая 1943 — 65-я гвардейская Рижская

стрелковая дивизия). В августе 1942 из числа комсомольцев Омской области был организован добровольческий партизанский отряд «Сибиряк», включенный в партизанскую бригаду им. Ленинского комсомола (с февраля 1943 — самостоятельное подразделение). Действовал в районах Витебской области. За мужество и героизм большинство соединений и частей, сформированных в Омске, были награждены орденами и удостоены почетных наименований. Тысячи воинов-омичей за отвагу и мужество награждены высокими правительственными наградами. Свыше 130 омичей удостоены звания Героя Советского Союза, среди которых: воспитанник *Сибирского кадетского корпуса*, генерал-лейтенант инженерных войск *Д. М. Карбышев*, матрос морской пехоты Тихоокеанского флота *П. И. Ильичев*, рядовой 356-й стрелковой дивизии *К. К. Краснояров*, ефрейтор *Ф. Г. Крылов*, младший лейтенант стрелкового взвода 2-го Украинского фронта *А. Ф. Лебедев*, повторившие подвиг *А. М. Матросова*, санинструктор батальона морской пехоты Тихоокеанского флота *М.Н. Цуканова* и др. Свыше 30 омичей — полные кавалеры орденов Славы.

2.ОМИЧИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1812.

Накануне вторжения войск Наполеона, на западную границу России была выведена 24-я Сибирская пехотная дивизия под командованием генерал-майора *П. Г. Лихачева* (входила в 6-й пехотный корпус генерала от инфантерии *Д. С. Дохтурова*). Дивизию составляли полки, несшие службу в крепостях сибирской оборонительной линии, в т. ч. квартировавший в Омске и области. Это и Ширванский пехотный (мушкетерский) полк, 5 его рот располагались на территории второй Омской крепости, по одной роте — в Покровской крепости, Ачаирском форпосте, Новой Деревне, Калачинске и Чернолуцке (Чернолучье), несколько рот находились в Таре и др. населенных пунктах.

Накануне 1812 из Омска был выведен Селенгинский пехотный полк (в сражениях участвовал в составе 5-го корпуса генерал-лейтенанта *Н. А. Тучкова*). По манифесту от 6 июля 1812 о создании народного ополчения Омский округ поставил 2152 солдата (самое большое количество среди округов. Тоболькой губернии.). Главная часть ополченцев составляли крестьяне и мелкое городское сословие. В 1812, выведенные из Сибири войска в составе 1-й, 2-й и 3-й Западных армий, принимали участие в обороне Смоленска, занимали правый фланг обороны 1-й Западной армии *М.Б. Барклая де Толли* и защищали батарею *Н. Н. Раевского* на Бородинском поле. За отвагу, проявленную в Бородинском сражении, Ширванский полк был удостоен высшей награды русской армии — Георгиевского знамени.

Солдаты и офицеры Омска в составе других подразделений принимали участие в крупных сражениях Отечественной войны. В корпусе генерала *Д. С. Дохтурова* служил поручик *Е. Р. Андреев* из Тары, участвовавший в сражениях под Смоленском, при Бородино, под Малоярославцем, в Лейпцигской битве. Прапорщик *Путянин* из

Тюкалинска за отличие в Бородинской битве получил благодарность главнокомандующего и был награжден орденом. Заседатель Тюкалинского окружного суда М.А. Беляев участвовал во взятии Парижа. Во время Отечественной войны отличился подполковник В. М. Шухов (прадед ученого-краеведа И. Н. Шухова) — участник наполеоновских войн с Великонемским пехотным полком, за проявленный героизм в сражениях под Гамбургом и в битве под Лейпцигом награжден орденами. В битве при Бородино геройски сражался К.Ф. Клодт (в 20-е гг. занимал пост начальника штаба отдельного Сибирского корпуса), в чине полковника корпуса Н. Н. Раевского защищал Шевардинский редут, оборонял центр, батарею на Курганной высоте (батарею Раевского), награжден медалью в память 1812.

Пехотной бригадой в армии М.Б.Баркляя де Толли командовал генерал-майор, граф П. И. Ивелич, участник русско-турецкой войны 1787-91 и войны со Швецией 1808-09, служил в Ширванском полку в Таре (портрет П. И. Ивелича помещен в Военной галерее Зимнего дворца). В битвах при Бородино, Тарутино, Малом Ярославце, под Вязьмой отлично проявили себя будущие генерал-губернаторы Западной Сибири Г. Х. Гасфорд и П. М. Капцевич. Во время Отечественной войны омичами были собраны пожертвования на нужды обороны (вносились деньгами, вещами, серебром). В первые дни войны крестьянами Чернолуцкой, Батенинской и др. волостями (Омский округ) было внесено 1576 руб. 70 коп. Казаки Омской крепости собрали 1939 руб. 69 коп. Тарские мещане пожертвовали 693 руб. Омичи оказывали помощь беженцам из разоренных районов. В Ильинских и Воскресенских церквях Омска были установлены ящики для «сбора пожертвований, людям, разорившимся войной».

3. ОМИЧИ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ.

19 июля (1 августа) 1914 Германия объявила войну России. 21 июля в саду «Россия» и на главных улицах Омска прошла патриотическая манифестация, во время которой собирались пожертвования для семей запасных. 22 июля в Успенском кафедральном соборе было совершено молебствие о даровании победы русским воинам. Мобилизация в Омске была объявлена 18 июля; с 25 июля началось формирование воинских подразделений. Призывалось мужское население города и его окрестностей, «перечисленные из 2-го разряда запаса в ополчение (начиная с 31 декабря 1910); зачисленные в ополчение при призыве к отбыванию воинской повинности (в 1898-96 и 1911-13); свободные от призыва ратники, добровольно пожелавшие служить». Призыву подлежали все отставные офицеры, не перешедшие предельного возраста. Принимались на учет и зачислялись в ополчение также и офицеры, перешедшие предельный возраст, но годные для службы по состоянию здоровья и пожелавшие добровольно служить. Вопросами мобилизации в Омске ведала *Омская городская дума*. Под постройкой воинских формирований были заняты 1-я и 2-я мужская гимназии, центральная фельдшерская школа, епархиальное и

коммерческое училища и др. здания города. Приемные пункты располагались у Казацкого кладбища, на площади Бутырского базара, у Загородной рощи. В Омске были расквартированы полки 11 -и и 14-й стрелковых дивизий. В состав 11-й дивизии входил 43-й Сибирский стрелковый полк, сформированный из воинов Омска, Тобольска, Тюмени и Томска (командир полка — полковник А. А. Березин, был убит в декабре 1914).

В Омске формировались 5-й и 8-й Сибирские казачьи полки. На 7 декабря 1916 в Омском округе было 31109 человек постоянного состава и 94782 человек, пригодных к отправлению маршевыми ротами. К 15 сентября 1917 общее число людей пехотных запасных полков округа составляло 37392 чел. (7612 человек постоянного состава и 30780 человек, пригодных к отправлению маршевыми ротами). Многие омичи за проявленное мужество в годы войны были отмечены наградами. Орденами Св. Георгия 4-й ст. был удостоен полковник Э. Раддац (атаковал и истребил турецкую колонну под Ардагоном), есаул В. Волков (уничтожил турецкую роту под Ардагоном и захватил знамя 8-го пехотного Константинопольского полка). Георгиевским оружием были награждены полковник И. Борисевич, Э. Раддац, В. Шмонин и есаул В. Волков. Орден Св. Анны 1-й ст. получил М. Н. Волжин, орден Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом — сотник В. Попов и др. отличившиеся воины.

В июле 1914 Городская дума избрала особую исполнительную комиссию для оказания помощи нуждающимся семьям нижних чинов и воинов ополчения города, призванных в армию. Все учреждения, учебные заведения Омска ежемесячно производили отчисления (2—5%) на нужды войны. Поступавшие пожертвования шли на подарки воинам 43-го Сибирского стрелкового полка, на заготовку одежды для беженцев, на нужды семей призванных воинов. Сбором средств для раненых и больных занимался комитет Красного Креста, Омский комитет «Всероссийского Союза городов». В августе 1914 Городской думой было ассигновано для раненых 30000 рублей. Для размещения больных воинов в Омске были открыты лазареты (находились в здании Общественного собрания, коммерческом клубе, в здании войскового хозяйственного правления, учебных заведениях и др. общественных зданиях).

5. ВОЕНАЧАЛЬНИКИ (НЕКОТОРЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ЛИЧНОСТИ)

Ряд омичей стали прославленными командирами дивизий и корпусов, получив высокие звания генералов в годы Гражданской войны, а позднее на фронтах в Великой отечественной войне 1941-45гг. Среди них, конечно на первом месте Язов Д.М.

1. Маршал Язов Дмитрий Тимофеевич. Родился 8 ноября 1924 года в дер. Язово Омской губернии (ныне в Оконешниковском районе Омской области России) - умер 25 февраля 2020 года в Москве. Советский военачальник, государственный и политический деятель. Маршал Советского Союза (28.04 1990). Министр обороны СССР (1987-1991). Кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС (1987-1990). Член ЦК КПСС (1987-1991 год). Член Президентского совета СССР (1990). Член Совета безопасности СССР (1991). Член ГКЧП (1991).

- **2. КАРБЫШЕВ Дмитрий Михайлович**, генерал-лейтенант. Видный военачальник Советской армии. **Годы жизни:** (1880—1945)

Карбышев Д.М.— военный инженер, Герой Советского Союза. Родился 14 октября 1880 в Омске в семье мелкого военного чиновника. Отец— М.И. Карбышев служил делопроизводителем в окружном интендантстве. Старший брат Карбышева — Владимир в 1887 был исключен за участие в студенческом революционном движении из Казанского университета в арестован. В связи с этим семья была под надзором полиции, и Карбышев не был принят в *Сибирский кадетский корпус* для обучения за государственный счёт. 6 сентября 1891 он был зачислен в корпус «приходящим по плате». В 1898 окончил Кадетский корпус и был переведен в Николаевское инженерное училище в С.-Петербург. В 1900 Карбышев был

выпущен в чине подпоручика из училища и направлен в Восточно-Сибирский саперный батальон, находившийся в Китае.

Затем служил в Маньчжурии, в Приморской области. В 1903 произведен в поручики. В 1904 командовал ротой на фронте. За отличие в русско-японской войне награжден пятью орденами: Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом; Св. Станислава 3-й ст., Св. Анны 3-й ст.; Св. Станислава 2-й ст. и Св. Анны 4-й ст. с надписью: «**За храбрость**»; медалями. После войны был переведен в Никольск-Уссурийский, где командовал саперной ротой. В 1906 по обвинению в агитации среди солдат ушел с военной службы в запас. Жил во Владивостоке, занимался чертежной работой. В 1907 вернулся на военную службу, служил во Владивостоке во вновь сформированном крепостном саперном батальоне, где командовал ротой. Осенью 1908 поступил в Николаевскую военно-инженерную академию в С.-Петербурге. При выпуске из академии (1911) был произведен в капитаны и утвержден в звании военного инженера. Получил назначение производителя работ в Брест-Литовскую крепость. В 1914 направлен в действующую армию Юго-Западного фронта. Принимал участие в боях на Бескидских перевалах, в Карпатах, вел осадные работы под Перемышлем. За боевое отличие произведен в чин подполковника. В 1917 — производитель работ по укреплению позиций на границе с Румынией. В 1918 служил в Коллегии по обороне при Главном военно— инженерном управлении. В июле 1918 Карбышев был назначен начальником отдела инженерного управления Северо-Кавказского военного округа, укреплял позиции на подступе к ст. Кинель, Самаре и Сызрани. Весной 1919 Карбышев был назначен главным руководителем всех оборонительных работ Восточного фронта, обеспечивал форсирование рек Уфимки и Белой, выход армий к Уральскому хребту и началу наступления на Сибирь. С января 1920— начальник Управления военно-полевых строителств. Руководил работами по восстановлению железнодорожного моста через Иртыш в Омске (разрушен армией *А. В. Колчака* после отступления в ноябре 1919), укреплял Забайкальский плацдарм.

С октября 1920 занимал должность заместителя начальника инженеров Южного фронта. В 1921-23 — помощник, заместитель, а затем начальник инженеров вооруженных сил Украины и Крыма. В 1923 Карбышев был назначен председателем Инженерного комитета Главного военно-инженерного управления РККА в Москве; одновременно руководил работой всех военных академий РККА по военно-инженерному делу и был штатным преподавателем Военной академии им. М. Ф. Фрунзе и Военно-воздушной академии РККА. С 1926—главный руководитель Военной академии РККА им. Фрунзе. В 1935 получил звание дивизионного инженера. В 1936 переведен в Академию генштаба РККА на должность помощника начальника кафедры тактики высших соединений по инженерным войскам. 23 октября 1938 утвержден в ученном звании профессора. Помимо преподавательской работы, занимался научными разработками и

изобретательством. Автор многих научных трактатов: «Инженерная подготовка границ СССР» (Кн. 1, 1924), «Разрушения и заграждения» (1931, совместно с И. Киселевым и И. Масловым), «Инженерное обеспечение боевых действий стрелковых соединений» (Ч. 1—2, 1939-40) и др. Разработал основы теории инженерного обеспечения операции и боевого применения инженерных войск. В 1940 Карбышеву было присвоено звание генерал-лейтенанта инженерных войск; в 1941 ученая степень доктора военных наук. В июне 1941 выехал для инспектирования оборонительного строительства на западной границе в районе Гродно и попал в окружение. 8 августа 1941 при попытке вырваться из окружения, во время переправы через Днепр (сев. Могилева), Карбышев был контужен и захвачен в плен. Содержался в лагерях смерти: Замостье, Хаммельбург, Флюссенбург, Майданек, Освенцим и Маутхаузен. В лагерях вел антифашистскую агитацию среди военнопленных. Отказался перейти на службу к гитлеровцам. В ночь на 18 февраля 1945 погиб мученической смертью в лагере Маутхаузен (Австрия). 16 августа 1946 Карбышеву было присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно). Награжден орденами Ленина, Красного Знамени, Красной Звезды и медалью «20 лет РККА». Памятники Карбышеву установлены в Москве, Таллинне, Маутхаузене. Его именем названа железнодорожная станция, улица и теплоход в Омске. На здании бывшего кадетского корпуса установлена мемориальная доска. В омском сквере, носящем имя Карбышева в 1961 открыт памятник герою (скульптор В. Федоров, архит. Ю. Кривущенко.)

3. КУЙБЫШЕВ Валериан Владимирович- государственный деятель, командующий 11 Красной армии. Годы жизни: (1888—1935) Куйбышев В.В.— революционер, социал-демократ, государственный и партийный деятель. Родился 25 мая 1888 в Омске в офицерской семье. Детские годы провел в Кокчетаве, куда в связи с новым назначением отца переехала семья. Образование получил в *Сибирском кадетском корпусе* (1905). На последних курсах сблизился с социал-демократами, стал принимать участие в революционной деятельности, в 1904 вступил в РСДРП. В 1905 поступил в С.-Петербургскую военно-медицинскую академию, из которой вскоре был исключен за участие в революционной деятельности. В начале 1906 вернулся в Омск, проживал на ул. Скаковой (ныне ул. Куйбышева), активно участвовал в деятельности местной социал-демократической организации, являясь членом ее комитета. 20 ноября 1906 Куйбышев был подвергнут первому аресту в числе 38 участников омской горпартконференции. До марта 1907 находился в *омской тюрьме*, после чего по приговору суда был выслан из Омска. В последующие годы Куйбышев вел революционную работу во многих городах России: Каинске, Томске, Барабинске, Омске (последний раз он приезжал в Омск в 1912, после нарымской ссылки), Самаре, Вологде, Харькове, С.-Петербурге и др., за что неоднократно арестовывался, находился под судом, был в сибирской ссылке. В марте 1917 Куйбышев освобожден из туруханской ссылки, вернулся в Самару, где был избран председателем Совета рабочих депутатов. В октябре 1917 он являлся одним из

организаторов вооруженного восстания в Самаре, а затем— председателем Самарского ревкома. В годы гражданской войны Куйбышев участвовал в борьбе против войск казачьего атамана А. И. Дутова, был организатором обороны Самары от чехословаков летом 1918, состоял членом Реввоенсовета и комиссаром штаба 1-й армии Восточного фронта, а затем — членом Реввоенсоветов 4-й армии и Туркестанского фронта. Был командующим 11-й армии, которая держала оборону Астрахани. После занятия красной армией Средней Азии Куйбышев входил в состав комиссии ВЦИК и СНК РСФСР по делам Туркестана, являлся замом председателя этой комиссии. С окончанием гражданской войны он был переведен членом президиума ВЦСПС, заведующим экономическим отделом ВЦСПС, а затем с 1921 — членом президиума ВСНХ и начальником Главэлектро. Умер Куйбышев 25 января 1935 г. в Москве.

4. КУЙБЫШЕВ Николай Владимирович, комендант Кронштадтской крепости (1922г.), командующий войсками Сибирского военного округа(1928-1935гг.)

Годы жизни: (1893—1938)

Куйбышев Н.В.— прославленный командир Красной армии. Родился 13 декабря 1893 в Кокчетаве в офицерской семье, брат *В. В. Куйбышева*. Образование получил в *Сибирском кадетском корпусе* (1912) и Александровском военном училище (1914), после окончания которого был направлен в 10-й малороссийский гренадерский полк. 3 года Куйбышев был в действующей армии, сначала командиром роты, затем — полка, дослужился до капитана, имел боевые награды, трижды был ранен. После Февральской революции стал членом полкового комитета, а после Октябрьской революции выбран командиром полка. Когда фронт окончательно развалился, Куйбышев демобилизовался и уехал в Москву, где поступил на службу в радиотдел Народного комитета почты и телеграфа. С июля 1918 Куйбышев перешел на службу в Красную армию, став членом высшей военной инспекции. В этом же году вступил в РКП(б). В годы гражданской войны он находился на командных должностях в Красной армии: в 1919-20 — военный комиссар и командир 3-й бригады 9-й Стрелковой дивизии на Южном фронте; в 1921—командир 2-го Кавказского корпуса, участвовал в разгроме войск независимой Грузии и установлении здесь Советской власти. Вскоре после подавления Кронштадтского восстания был назначен комендантом крепости, а в 1923 — начальником Высшей стрелковой школы «Выстрел». В 1925 по распоряжению Высшего Совета Куйбышева направили заместителем командующего Туркестанским военным округом и командующим корпусом. В 1926 он являлся военно-политическим советником Национального правительства на юге Китая, а в 1927-28 — начальником командного управления РККА и помощником командующего войсками Московского военного округа. В 1928-35 Куйбышев служил в Сибири командующим войсками Сибирского военного округа. В 1929 участвовал в боях на КВЖД. Находясь в Сибири, неоднократно бывал в Омске.

В 1936 Куйбышев вернулся в Москву, где был назначен командующим войсками Закавказского военного округа. Куйбышев — депутат Верховного Совета 1-го созыва.

За боевые успехи награжден тремя орденами Красного Знамени. В 1938 по клеветническим обвинениям был арестован и 1 августа того же года расстрелян. Реабилитирован посмертно.

75-я ГОДОВЩИНА Победы в Великой Отечественной войне (2020 год)

Так получилось, что за несколько месяцев до конца 2019 года, я прошёлся по некоторым организациям, которые в первую очередь связаны с подготовкой и проведением юбилейных мероприятий, посвящённых празднованию 75-ой годовщины Победы в Великой Отечественной войне. Я уже заканчивал редакцию второго (дополненного и доработанного) варианта

своей книги «Я знаю правду о войне» и хотелось найти, кто бы мог хотя немного помочь в финансирование её издания. На что, откровенно, мало рассчитывал. Наверное, придётся издавать за свой счёт, небольшим тиражом.

Начал поход с первой организации- ООО «Сироты войны», расположенной в здании администрации Ленинского округа г. Омска. Её председатель, Светлана Павловна Барышникова, встретила приветливо, заинтересованно. Ведь я в составе агитационной группы с ней ездил по городу для проведения бесед и творческих встреч. Выступали мы в клубе железнодорожников (на ст. Московка), в библиотеке имени В.Маяковского, колледже профессиональных технологий и в других местах. Попросил Светлану Павловну, которая пожаловалась на плохое финансирование организации, вписать меня для выступлений в план мероприятий на 2020 год.

Затем рядом на этаже, зашёл в кабинет председателя комитета ветеранов округа, к Вадиму Константиновичу Докучаеву, представился как литератор- журналист, рассказал ему о своих планах. Он охотно согласился помочь в моём участии в мероприятиях среди организаций и учебных заведениях Ленского округа.

Следующим моим пунктом назначения был Совет ООО «Сироты войны» Омской области, кабинет в здании ЦБ. Его председатель - Борзова Нина Гавриловна отсутствовала по случаю болезни, а помощник была мало разговорчива, сказав, что на мероприятия выделяется мало денег и приходится во многом ограничиваться. И я вспомнил, как в торжествах по случаю 65-ой годовщины Победы в Великой

отечественной войны в области было проведено множество массовых ярких мероприятий, и даже многим районам области было выделено финансирования на издание собственных, памятных книг. А под редакцией Совета была выпущена отличная областная книга памяти «Отцы нам завещали жить». Что, как оно будет выглядеть в этом юбилейном году? Неизвестно.

Финишным пунктом стал кабинет председателя Совета ветеранов города Омска Геннадия Александровича Павлова. Он учился в колледже транспортного строительства, а я проработал в нём преподавателем 54 года. Мы много раз встречались с ним на мероприятиях в колледже и в городе, общались в разное время. А теперь вот я пришёл к нему на работу, сел напротив и задаю вопросы. И он сразу мне:

«Ты знаешь, я ведь тоже принадлежу к детям, сиротам войны. Родился в 1940г., а отец погиб на фронте в 1943 г. Для меня память об отце и о всех погибших - это «святая святых!» Мероприятия города мы уже почти все внесли в план...»

Я показываю Геннадию Александровичу свою книгу «Я знаю правду о войне», говорю что готов к печати второй вариант книги, рассказываю, что хожу с выступлениями. Был в институтах (Сельхозуниверситет, институт Сервиса), в колледжах (колледж транспортного строительства, колледж профессиональных технологий) в школе № 162 и в других учебных заведениях. Часто выступаю в составе агитбригады «Сироты войны» Ленинского административного округа.

Наш разговор продолжается около часа, за это время входят к нему другие посетители. Вот вошла работница Комитета ветеранов Людмила Степановна и доложила, что только что им привезли из ателье красивые концертные костюмы для городского хора ветеранов, (А это хор - единственный в таком роде).

На мою просьбу о помощи издать мою новую книгу Геннадий Александрович ответил, что таковых денег у них нет. И что бюджет городского Совета крайне ограничен. Но добавил: *«Подумаю... и может чем-то помогу.»* И на прощанье посоветовал иногда заходить к нему, рассказывать как идут дела

У меня к Геннадию Александровичу теперь самое уважительное отношение лишь потому, что мы оба с ним из одной областной общественной организации – ООО «Дети, сироты войны».

Павлов Геннадий Александрович

Председатель Омского исполкома (04.1990-21.11.1991 гг.)

Год рождения: 1940.

Учился в техникуме – колледже транспортного строительства

Затем окончил Омский политехнический институт, (вечернее отделение) Прошел путь от рабочего до начальника крупнейшего цеха завода им. Козицкого. С 1973 г. на партийной и советской работе. С 1988 г. — заместитель председателя Омского горисполкома, затем председатель горисполкома.

При Павлове были разработаны и внедрены системы детских домов семейного типа, медицинского обслуживания по типу семейного врача, начато строительство двух домов с полным комплексом медицинского и бытового обслуживания для одиноких престарелых людей, развивалась сеть санаторных учреждений для детей с ослабленным здоровьем. Были созданы два музея «Искусство г. Омска» и «Музей К.П. Белова», реконструирован музей воинской славы омичей, решен вопрос об освобождении помещения СибАДИ на ул. Ленина и начата реконструкция этого здания под размещение музея им М.А. Врубеля. Восстановлены Тарские ворота и установлен камень в сквере УВД в память жертвам сталинских репрессий. Возобновлена деятельность дирекции по проектированию и строительству Омского метрополитена. Разработана и внедрена система оплаты за использование природных ресурсов и вредных выбросов с промышленных предприятий.

Проведен радиологический мониторинг территории г. Омска и дезактивация многочисленных участков и точечных источников радиологического загрязнения.

Продолжалась активная работа по выполнению Постановления Совмина «О развитии городского хозяйства г. Омска». Во время работы председателем горисполкома являлся президентом Ассоциации сибирских и дальневосточных городов.

Награжден орденом «Знак почета», медалями.

Автор книги: ЗЕНЗИН ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВИЧ

Зензин Владимир Васильевич родился в 1935 г. в селе Старосолдатка Тюкалинского района Омской области. Окончил педвуз, преподавал в Омском Колледже транспортного строительства.

Зензин В.В. автор более 30 книг о природе Прииртышья и людях Сибирского края. Самые солидные исторические издания: «Сибирский характер», «Город мой», «Покровская крепость». Организовал и вел, как редактор-составитель, три омских журнала: «Природа Прииртышья», «Охота и рыболовство», «Физическая культура и спорт».

Член Союза журналистов, лауреат конкурсов среди журналистов на темы: «Природа», «Экология». Корреспондент газеты «Класс».

Зензин В.В. – мастер спорта, судья по нескольким видам спорта, почетный член общества «Локомотив», почетный член общества охотников. Имеет награды и поощрения за педагогическую и физкультурную работу.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ- стр.2

1. Суровая правда войны- стр. 3

- Подвиг-стр.4

Памятные годы-стр.5

- Я помню третий день войны-стр.5

- Парикмахер- стр. 7

- На мельничном пруду- стр.8

2. Картины военных лет-стр.8

-Без вести пропавшие-стр.8

-Почтальонша- стр. 10

3. Воспоминания... Воспоминания-11

-Утро майское- стр. 11

-Навечно ты остался молод-стр.12

- Жестокий май!- стр. 13

-В мае 1944-стр. 14

-Фотографии- стр. 14

-Звезда отца- стр. 14

О подвиге великом- стр. 15

- Светobelисков- стр. 15

- Июнь 1941г.- стр. 16

-Автопортрет- стр. 16

-Старая берёза- стр. 17

- Ячень-стр.17

- Да, уходят мои герои- стр.18

Голубой огонёк- стр. 18

**Стихи из книги «Прииртышье,
край любимый – стр.20**

- В глубинке- стр. 20

-В пору тяжких годин-стр20

- Весенний сев- стр. 20

- В куче муравьиной суеты-стр21

-Трёхкопеечный калач- стр. 21

- От зори до зорюшки- стр. 21

- Парёнки- стр 22

Плывёт сквозь ночь- стр. 22

- Зарницы- стр. 22

- Помню: в горенке-стр.212

-Как люблю! –стр.22

**Стихи из книги «Сибирь,
сторона родная»-стр. 23**

- В дни войны- стр. 23

- В детстве- стр. 23

- Военные зимы- стр.23

- Я трогаю шрамы- стр..24

- В первый раз я подумал- стр.24

- Мама- стр.24

- Снежные крепости- стр.25

- Телеграфные провода- стр.25

- Я знаю цену пота- стр. 26

Отцы нам завещали жить

- Обелиск-стр.26

- Память –стр.27

-Сушилка- стр.28

- Берёза- стр.28

- Сын тебя перерос-стр.29

- России лик святой- стр 29

ПУТИ—ДОРОГИ

- Севастополь- стр. 30

- В Тигартене- .стр – 30

- У неизвестной могилы- стр.30

- Приезд в Пушкино- стр.30

- Идут маневры НАТО-стр. 31

- Малахов курган- стр.31

- В Пулковской обсерватории-стр.32

- Одесса- стр. 32

- По путям, по дорогам- стр .33

- Шлях войны- стр .33

Алеют звёзды- стр. 34

- Моя звезда- стр. 34

- Преданье с детства – стр. 34

-Бал- маскарад - стр. 35

- Есть кинозвёзды, звёзды- стр 35

- (поэма)Мемориальная доска-35

-(поэма)Из палаты«безнадёжных»-38

Из сельской жизни- стр.45

рассказ «Постоянство»- стр. 45

-Кузьма Степаныч- водовоз- стр 45

- Бабушка Аксинья- стр 46

Комбайнёр пришёл в кино- стр -47

рассказ «Мостки»- стр -47

-Рассказ «Мотин»-стр 48

- Сандазар- стр .50

- Здравствуй, речка- стр 52

-Озеро Долгое- стр -52

рассказ «Озеро Долгое»-стр.53

Спорт. Охота.Приключения-стр54

- Стеновая стрельба- стр.54

-Мой первый выстрел- стр 54

- Весенние палы- стр.55

- Охотничья заря-стр.55

рассказ «Распорки»-стр.56

-Впервые соревнуюсь я- стр.58

Память детства-59

Площадь райцентра- стр 59

Июнь, 1978 г-стр.60

В залатанной гимнастёрке- стр 60

-Вглядись- стр.60

-И плачет, сгорбившись- стр .61

- Воспоминание о детстве- стр.61

-В больнице- стр.62

- Телеграфные столбы- стр 62

- Октябрь- стр.63

Россия, вернись ко мне снова

Родной край- стр 64

-Я помню-стр.64

-Своё припоминаю детство-стр65

-Вечный огонь- стр 65

-У неизвестной могилы- стр.65

-Победитель забега ветеранов-65

-Плес воды над колодиной- стр66

-Геройство и трусость- стр.66

-В пригороде Омска- стр.:66

- В Пушкино- стр.66

- Чудно так- стр67

-В день Победы- стр.67

-Мельничное озеро- стр.68

-Сруб- стр.68

-В деревенской школе- стр.69

-В сорок четвёртом- стр.69

-На общественный позор- стр.70

-Я рос в войну- стр.71

-Желтоватые поляны- стр.71

-Я вспоминаю мать- стр.71

-Спустя шестьдесят лет- стр.72

-Река жизни- стр.72

-На уроке истории- стр.72

-А душа болит, болит=стр.73

- В день окончания войны-74

-Жмых и лебеда- стр.74

-Посвящение В.В.- стр-75

-Улица Петра Ильичёва- стр75

Поздние признания

-За вербной желтизною- стр.76

Мартын всё кружит- стр.76

- Днём ты- свет в оконце- стр.77

-Твоя любовь- стр.77

-Заснеженность- стр.77

Празднование 70- ой годовщины

Победы в Вел. Отеч. войне

-Память- стр.78

-Бессмертный полк- стр.78

ПРИЛОЖЕНИЕ № 1

Отрывки из книги «Святая память»

Техникум в сороковые- грозовые-80

В ногу с веком- стр.82

Солдат огненных лет- стр.83

Обыкновенные дела героя- стр 84

Достойная жизнь ветерана-стр.85

Прекрасная судьба фронтовиков-86

-Каретников А.И.-стр.86

-Азаревич С.А.-стр. 87

-Пуртов Н.В.- стр.87

Большой след оставили- стр.88

Список погибших выпускников-89

Участники войны- студенты-стр.89

Зал боевой и трудовой славы—90

Дмитриев А.П.-почётный студент-91

Коротко об отце- стр.92

Мой дедушка и моя мама-92

Воспоминания об отце стр. 94

Моя семья в годы войны- 95

Память о войне- стр.96

В битвах под Москвой- .стр97

Долгий путь войны- стр 97

Трудные судьбы родителей-98

Праздник со слезами- стр .99

Семья, разобщённая войной-100

Судьбы, опалённые войной-100

Наши родители- стр 101

Вечная память- стр 101

Бойцы полуострова Ханко-102

Выпускники- герои – стр . 104

ПРИЛОЖЕНИЕ №2

На защите Отечества- стр. 106

Отечественная война 41-45 гг.

Отечественная война 1812г-105

Первая мировая война- стр.10108

ВОЕНОНАЧАЛЬНИКИ

Содержание книги - стр.117

-Карбышев- стр .109

Редакция - стр. 120

Куйбышев В.В. – стр.111

Куйбышев Н.В.- стр . 112

75-я Годовщина Победы- 113

Председатель Совета – стр. 115

Автор книги- стр. 116

РЕДАКЦИЯ

Редактор-Денисенко Сергей Павлович, заслуженный работник культуры.

Лит. редактор- Седов Николай Петрович, лауреат литературной премии им. Ершова

Руковод. проекта- Сорокин Алексей Петрович, директор Омского Фонда Культуры

Технический редактор- Зензин Владимир Владимирович, сын автора книги.

Фотографии: Виктор Ляпин, Владимир Кудринский, Евгений Кармаев.

Корректор- Суворова Вера Алексеевна, преподаватель литературы ОКТС

ОТПЕЧАТАНО

000 Полиграфический центр «Татьяна»

644010 г. Омск. ул. Жукова, дом 78, офис 1411

Тираж - 100 экз.

